

МИХАИЛ КАРС

ШТОРЫ С ПАВЛИНАМИ

Роман

Михаил Карс

Шторы с павлинами. Роман

«Издательские решения»

Карс М.

Шторы с павлинами. Роман / М. Карс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900461-1

События, которые описывает автор, затрагивают судьбы нескольких поколений людей. Жизни героев, пересекаясь, плавно перетекают из 1950-х годов в нашу современность. Их поступки и переживания показывают, как менялись жизненные ценности и потребности нескольких поколений и какие цели и задачи ставились героями в разное время.

ISBN 978-5-44-900461-1

© Карс М.
© Издательские решения

Содержание

Эпос разбитых судеб	6
Слово о романе	10
От автора	11
Глава 1. СУДЬБА. Взлёты и овраги	12
Пролог	13
Таисия	14
Иван	23
Семья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Шторы с павлинами

Роман

Михаил Карс

Дизайнер обложки М. Ю. Пучинский

Корректор М. Д. Чернышенко

Корректор В. В. Вересиянова

Литературный редактор М. Д. Чернышенко

© Михаил Карс, 2019

© М. Ю. Пучинский, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-0461-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпос разбитых судеб (Рецензия на роман)

Говорить, что современный читатель отвык от качественной русской прозы, что драйв и эпатаж постмодернизма вытеснили из литературы добрые вековые традиции, значит грешить против очевидности. Как только среди бесконечного потока однообразно скучных, схожих в скудности своего устройства, романов, появляется что-то, что навевает читателю нежные воспоминания о великой русской классике, на книжном рынке начинается ни с чем не сравнимый ажиотаж. Так было в случае с нашумевшим (и продолжающим шуметь) бестселлером «Несвятые святые» епископа Тихона Шевкунова, тиражируемость которого заставляет завидовать любого топового беллетриста. Мейнстрим вечен, и от каждого талантливой автора ведёт свою родословную бесконечная вереница безликих подражателей, нивелирующих литературный процесс до одиозного «купи/продай». И вот читатель начинает восклицать: русская литература в упадке! верните нам Михаила Булгакова! даешь читателю нового Льва Толстого! Достоевского на них не хватает! Революционные настроения в читательской среде возрастают: взять почту, телеграф, телефон! долой продажных беллетристов! землю – народу, заводы – рабочим, литературу – классикам! И вот, когда градус накала страстей зашкаливает и кажется, что уже сейчас и... вдруг (и как всегда из ниоткуда!) появляется такой писатель, как Михаил Карс.

Михаил Карс – автор, энергии и трудолюбию которого может позавидовать каждый. За один только 2016 год свет увидели семь его книг: сборники рассказов «Богема в облезлом кресле», «Снова тютелька и пердимонкль», фантастические романы «Захват из космоса – 2», «По следам будущего», «Проклятие божественного перстня», сборники стихов «Старая сказка на новый лад» и «Свет в небеса». В лучших традициях русских писателей (Михаил Булгаков, Антон Чехов, Николай Лесков) автор имеет медицинское образование, является доктором естественных наук, обладателем множества престижных наград... Список завоёванных Михаилом Карсом титулов и достижений займет ни одну страницу. Вспоминается Антон Павлович Чехов, видящий себя в первую голову врачом, возносящий работу лекаря в ипостась служения, ставящий эту службу превыше писательского дела. С Чеховым можно соглашаться или спорить, но очевидно, что писательское призвание в России всегда сопоставлялось с призванием священническим. Писатель как пророк, как лекарь, врачующий человеческие души – вот та доминанта, то золотое сечение, тот инструмент, пользуясь которым читателю не составит никакого труда отделить плевелы от зерен. На самую высокую ступень в русской литературной иерархии всегда возводился только тот писатель, чей образ жизни, чьи произведения отвечали правилам этого золотого сечения. Воспринимающие свое писательство как служение обществу, бережно относящиеся к каждому своему слову («Слово должно созидать и поддерживать добро»), работающие ради высоких идей (и уже в самую последнюю очередь ради тугого кошелька), русские писатели причислялись к пантеону классиков – так читательское сообщество воздавало за любовь к самому себе.

Новый роман Михаила Карса «Шторы с павлинами» отвечает всем правилам золотого сечения – это не просто увлекательное (и, конечно, трогательное, с надрывом) повествование о жизни простой русской семьи, но и попытка врачевания язв, свойственных современному российскому обществу.

Действие романа разворачивается на сломе эпох в тяжелые для России девяностые и уходит корнями глубоко в тот период истории, когда проезд в общественном транспорте «стоил пять копеек». СССР и современная Россия – мать и дочь, подтекстуально на этом контрасте между обществом безвозвратно ушедшего прошлого и драматического настоящего автор

и выстраивает сюжетную линию романа. Отсюда и отсутствие главной героини, в «Шторах с павлинами» их две – Таисия и Татьяна, мать и дочь, СССР и Россия... Сложные и трагичные хитросплетения судеб этих двух женщин метафизически сопричастны истории нашего много-страдального государства.

Не случайно взяты автором имена героинь. Имя Таисия в переводе с греческого языка означает «посвященная Исиде», «плодородная». Египетская богиня Исида – богиня женственности и материнства. Вот и героиня романа, Таисия, мать четырёх детей (старшая из которых Татьяна), женщина трудолюбивая, образцовая домохозяйка, оставившая музыкальную карьеру ради своей большой семьи, работающая техничкой в школе. Советский Союз, государство рабочих и крестьян, самоотреченность и трудолюбие в котором были возведены в ценность наивысшую: «На работу с радостью, а с работы – с гордостью!» По сути, с мастерством, свойственным серьезному, большому писателю, в образе матери автор заключает качества целой страны, потому Таисия – персонаж эпический. Эпическим персонажем можно назвать и Татьяну, отъявленную лентяйку, считающую, что родилась «для лучшей жизни», с презрением относящуюся к мужчинам, хамку, мечтающую о больших деньгах и незаслуженной славе, ставшую в итоге наркоманкой. Татьяна – типичная девочка потеряннного поколения «Пи», сочетавшая в себе все качества, которые презирались людьми «советской закалки». «Всё свое детство, с момента самого первого осознания окружающей действительности, Татьяна понимала, что мать просто ненавидит её», – подчеркивает автор. Её имя переводится с греческого как «устроительница», «учредительница», и в этом имени мы видим намек на образовавшееся вместо Советского Союза государство. Как Россия девяностых не похожа на СССР, так дочь в романе Михаила Карс не похожа на свою мать.

Неспроста и зачатие Таисией старшей дочери Татьяны произошло неестественным образом – через изнасилование в лесу:

«Когда всё закончилось, девушка почувствовала себя так, будто по ней проехал трактор. Сердце выпрыгивало из груди от страха и унижения. Тело болело и сотрясалось от внутренней дрожи, с которой Таисии не получалось справиться. Мужик, натянув штаны и застёгивая рубаху, приказал:

– Вылазь!

– Что? – испуганно переспросила Тася, одёргивая и поправляя одежду.

– Вон пошла из машины, проститутка! – прокричал мужик».

И охватившее её чувство ужаса, при встрече со старухой-травницей в ночном лесу тоже вполне объяснимо:

« – Ты, милая, не волнуйся, – начала успокаивать её старуха. – Родители не узнают, если сама не проговоришься; муж тоже не узнает, чей ребёночек народится.

– Какой ребёночек? – остановившись, в ужасе переспросила Тася.

– Девочка у тебя будет после этого насильника! – уточнила старуха. – Но ты от неё не избавляйся, а то других деток не станет.

– Каких ещё «других»? – всё более ужасаясь от услышанного, уточнила Тася.

– Так ещё три ребеночка потом будет, – спокойно ответила старуха, резво переставляя свою палку и помогая себе идти».

Родившаяся против желания Таисии Татьяна органически не может вжиться в мир своей матери: против материнской воли она появилась на свет. Стопроцентный антипод Таисии, во всем не такая Татьяна, живёт в семье (успевшей заметно разрастись по словам старухи) как вечное напоминание о судьбе, сыгравшей с ней злую шутку.

Теме судьбы в романе выделяется особое место: «Судьба всегда знает, кому она поможет, а кого накажет. Как не бывает безвыходных ситуаций, так не бывает и возможностей, чтобы повернуть свою жизнь вспять и что-то изменить в прошлом. О своих промахах и ошибках мы вспоминаем лишь тогда, когда судьба уже занесла над нами «меч правосудия», – пишет

автор в предисловии. «Мечом правосудия» для Таисии, что естественным образом вытекает как из фабулы, так и из подтекстуальной части романа, оказывается Татьяна, успевшая к тому времени из патологической тунеядки превратиться в мать-одиночку. Банальный квартирный вопрос она решает «модным» для детей поколения «Пи» способом: воспользовавшись связями помещает пожилую мать в психиатрическую лечебницу, где вскоре Таисия умирает от одиночества, от чувства несправедливости.

Завоевавшая сразу две квартиры Татьяна живет на всю катушку: «Жизнь забурлила и потекла в приемлемом для Татьяны русле. Днём она отсыпалась, а вечерами уходила в клуб и практически до закрытия его не покидала, возвращаясь домой около пяти утра, а вечером всё начиналось заново. Такой режим её полностью устраивал. Сын жил практически своей жизнью. /.../ Её не интересовало, как учится сын. Порой просыпаясь, она забывала, какой день недели наступил. Поэтому о том, что её сын ходит в школу, проснувшись после очередной бурной ночи Татьяна порой забывала. /.../ За эти месяцы она смогла сколотить приличную компанию таких же беззаботных молодых людей и девчат, смотревших на неё с некоторой завистью: ведь эта особа нигде не работала, но тратила деньги не задумываясь!» Здесь сложно не вспомнить разорённую Россию девяностых с её опустевшими прилавками, тоскливыми стариками, выстраивающимися цепочкой у метро, продающих в буквальном смысле слова последнюю рубашку, с её голодными беспризорниками, с выживающим народом, потерявшим всякие ориентиры. И на фоне этого – безумные вакханалии молодежных дискотек, разврат, хлынувший с Запада и возведённый в культ, мафиозные группировки, наживающиеся на разорённой стране. Какой замечательной сказкой показалась тогда спокойная жизнь в сильном социалистическом государстве: «как хорошо мы плохо жили». СССР и Россия девяностых, мать, уничтоженная дочерью, Таисия, преданная Татьяной... История нашей страны, заложенная в истории обычной русской семьи. Сколько таких Таисий и Татьян было? Недаром автор в предисловии призывает читателя относиться к повествованию всерьёз: «Каждый персонаж романа – это своего рода синтез нескольких реальных судеб. Люди, о которых идёт речь, существовали в действительности, а некоторые здравствуют и доселе».

Незавидна и судьба Татьяны: «Однажды, когда Татьяна переходила улицу, около неё остановилась машина, в которой сидело несколько подвыпивших парней. Они пригласили её поехать с ними, обещая бутылку водки. Услышав заветное слово, Татьяна не задумываясь залезла в салон огромной иномарки. А то, что произошло дальше, было похоже на бред. Её стали насиловать прямо в салоне машины. Все попытки сопротивления приводили лишь к тому, что Татьяна получала удары кулаком по лицу и другим частям тела. Молодые и крепкие парни омерзительно смеялись, называя её всякими непристойными словами. Очки, которые Татьяна зачем-то надела именно сегодня, были разбиты. Осколки стёкол повредили глаза. Последняя мысль, которая посетила Татьяну, была о матери. Она попросила у неё прощения за всё то зло, которое совершила в отношении неё. Это была её последняя мысль – Татьяна потеряла сознание...» Татьяна уходит из жизни тем же путем, через который она появилась на свет. Кажется, это карма или злой рок, неотвратимость предначертанного, но нет, в предисловии к роману автор убедительно развеивает эти мысли аллюзией на библейское «Горе тому человеку, через которого приходит соблазн».

Эпичность «Штор с павлинами» определяется не только документальностью повествования и знаковостью главных героинь. Самой манерой подробного, детального описания происходящих в романе событий, Михаил Карс связывает себя с эпическими писателями прошлого: так Гомер растянул описание щита, принадлежащего Ахиллу, на несколько страниц. Пользуясь подобными приемами, писатель говорит: в этом произведении важна каждая деталь, поскольку это часть нашей истории. Таким образом перед нами не просто очередная книга – на страницах романа «Шторы с павлинами» расстилается целая эпоха. Эпоха взлетов и падений нашей великой родины.

Литературный критик,
прозаик, поэт, издатель.
Номинант на соискание
премии им. В. П. Астафьева

Максим БУРДИН

Слово о романе

«Шторы с павлинами» – вторая книга Михаила Карс в жанре социально-психологической прозы, созданная им вслед за первой – «Закат рябиновой любви», уже принятой на ура и полюбоившейся читателям. Несмотря на то, что Михаил Карс имеет медицинское образование, он является членом Российского союза писателей (с 2016 года), автором нескольких популярных книг по парапсихологии, выпущенных известными издательствами «АСТ» и «Эксмо», произведений в жанре фантастики и юмористической прозы, а также сборников стихотворений.

Настоящая книга удивляет своей необычностью, начиная прямо с названия – «Шторы с павлинами». Какой смысл автор в него вносит? Чем они так интересны, что вынесены в название книги? Да ещё с павлинами. Что подразумевается? Пошлый вкус одной из главных героинь? Бытовое содержание, в котором будет бичеваться мещанство? Или нечто ужасное, по ассоциации с функцией штор – скрывать, отгораживаться, украшать интерьер, прятаться? Тогда павлины при чём?

На все эти вопросы читатель найдёт ответы, прочитав книгу, время действия в которой – примерно пятьдесят лет, после войны до конца века. Место действия – Москва, куда из Ростова-на-Дону приезжает главная героиня Таисия, чтобы поступить в музыкальное училище. И начинается самое интересное – не то, как Москва слезам не верит (что мы все ожидаем от сюжета), а, напротив, как Москва не мешает героине воплотить свои мечты в жизнь: закончить Гнесинку, удачно выйти замуж, стать москвичкой... Но с этого момента приятное прочтение заканчивается. Начинается то, ради чего автор и взялся за перо, – сплетение, или, лучше сказать, переплетение нитей судеб героев (отцов, детей и внуков) и отражение их через призму событий, происходящих в стране, или, ещё точнее, такое выявление мандалы (символа) нашего поколения, связанной с нашими тайными желаниями, идеалами, смыслами, целями, что становится страшно.

Понять себя, прочувствовать страх за будущее сейчас – это очень важно. Иначе будущее станет для нас полной неожиданностью. Прежде всего надо что-то менять в звене мать – ребенок. Что? Ответ на этот вопрос попробует дать себе каждый, кто прочтёт это неординарное произведение.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

Филолог,
литературный, научный редактор

М. Д. Чернышенко

От автора

Судьба каждого человека всегда индивидуальна. Подрастая, мы строим планы и мечтаем их реализовать. Чаще всего наши мечты выходят за грань возможностей, которые предоставляет жизнь, но мы всё равно стремимся оказаться как можно ближе к ним. У кого-то это получается, однако есть и те, кто по каким-то причинам не смог добиться цели, которую когда-то себе поставил.

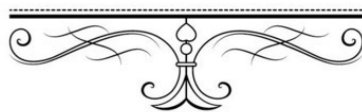
В моём романе описаны судьбы людей, в силу жизненных обстоятельств, а иногда и ложных мечтаний оказавшихся в ситуациях, которые сами себе создали. Судьба всегда знает, кому она поможет, а кого накажет. Как не бывает безвыходных ситуаций, так не бывает и возможностей, чтобы повернуть свою жизнь вспять и что-то изменить в прошлом. О своих промахах и ошибках мы вспоминаем лишь тогда, когда судьба уже занесла над нами «меч правосудия».

Герои настоящей книги прожили свою жизнь так, как смогли. Имена их намеренно изменены, а судьбы описаны с некоторыми авторскими поправками. Каждый персонаж романа – это своего рода синтез нескольких реальных судеб. Люди, о которых идёт речь, существовали в действительности, а некоторые здравствуют и доселе. События, которые я описал, также имели место в реальности. Именно поэтому читатель сможет проникнуться как состраданием, так и возможным неприятием главных героев. Но как бы Вы ни отнеслись к ним, мне всё же хочется, чтобы каждый из вас поразмышлял о том, насколько всё хрупко в нашей жизни, как один неправильный шаг может кардинально изменить наше будущее, как мы сами порой, стремясь к недостижимому, рушим то своё настоящее, которое у нас уже есть. Поговорка «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», как правило, оказывается верной, справедливой и для многих из нас актуальной.

С уважением,

Михаил Карс

Глава 1. СУДЬБА. Взлёты и овраги

Пролог

День выдался на удивление погожим. С самого утра светило солнце. Наступила вторая половина мая. То, что сегодня была суббота, успокаивало: завтра воскресенье, и можно ещё отдохнуть.

Татьяна встала рано. Сегодня она ждала гостей, поэтому необходимо было всё приготовить и расставить блюда на стол до прихода приглашённых. Солнце светило в окна, и Татьяна находилась в приподнятом настроении. Свекровь, мужа и ребёнка она отправила на дачу – вся квартира была в полном её распоряжении.

Татьяна была молодой, полной жизненной энергии женщиной. Два дня назад ей исполнилось двадцать четыре года. И хотя дата была не круглая, она всё же решила собрать гостей.

Окна квартиры выходили на южную сторону, что очень нравилось Татьяне. Сама она была из очень скромной многодетной семьи. Мать Татьяны, Таисия Ивановна, работала техничкой в школе, а отец, Иван Михайлович, – водителем на каком-то предприятии. Правда, её никогда не интересовало, где именно работает отец. Она вообще стеснялась своих родителей. Ей казалось несправедливым, что она, стремящаяся к богемной жизни, родилась в этой семье. Именно поэтому, как только Татьяне исполнилось семнадцать и она получила аттестат, девушка, нисколько не задумываясь, подалась в Москву учиться. Ей мечталось, что она станет талантливым врачом и будет спасать человеческие жизни. В своих мыслях Татьяна становилась настолько известной, что к ней обращались даже высокопоставленные, публичные люди. Правда, как только она начинала думать о таких знакомствах, то сразу же забывала о врачебной деятельности и представляла, что она будет ходить по ресторанам, выставкам, закрытым фуршетам и вести ту самую богемную жизнь, о которой мечтала с подросткового возраста.

Веря в себя и не сомневаясь, что Москва её ждёт, Татьяна сразу же направилась в приёмную комиссию Первого медицинского института, справедливо полагая, что Второй или Третий медицинский в дипломе будет смотреться менее престижно. Подав документы, Татьяна только сейчас поняла, что до вступительных экзаменов ещё уйма времени. Но жить-то где-то было надо. Денег родители дали с собой немного, поэтому снять жильё в Москве было нереально. А возвращаться домой не хотелось, ведь перед отъездом она поругалась с родителями.

До последнего дня Татьяна не рассказывала дома о своих планах. Надо сказать, что школу окончила она в основном на тройки. Поэтому, когда девушка заявила матери, что едет поступать в Москву, реакция той была неадекватной: Таисия Ивановна округлила глаза, открыла рот, но ничего не смогла сказать.

– Не надо возмущения! – наконец произнесла Татьяна, понимая, что лучшая защита – это нападение. Ей не хотелось слушать рассуждения матери, тем более что та, не имея образования, уже много лет не являлась для Татьяны авторитетом.

Однако Таисия Ивановна никогда не рассказывала дочери, что имела неплохое музыкальное образование. По молодости, до замужества, она окончила Государственное музыкальное училище имени Гнесиных, но поработать по специальности так и не смогла: встретив будущего Татьяниного отца, Таисия влюбилась в него без памяти.

Таисия

День был пасмурным. Рядом стоял молодой и красивый парень. Таисия только что получила диплом дирижёра-хормейстера. Вся жизнь была впереди. Она строила планы – мечтала собрать хоровой коллектив и начать гастролировать по стране. Мечтая, она периодически поглядывала на парня, который не прочь был покрасоваться перед явно заинтересовавшейся им девчонкой. Таисия чувствовала, что и она ему интересна. Ненастная погода абсолютно не влияла на настроение девушки. Тася приехала из глубинки, поэтому все москвичи казались ей красавцами. Именно сейчас она поняла, что общежитие Гнесинки ей, видимо, придётся освободить, а значит, надо думать, где жить. К тому же этот парень вполне подходил на роль мужа.

Родилась Таисия в одном из посёлков рабочей молодёжи Ростовской области. Единственная музыкальная школа являлась отдушиной всех жителей посёлка, который до преобразования был станицей. Однако преобразование не принесло каких-либо значимых изменений в ритм жизни. По выходным жители собирались в клубе, где проводились концерты с участием учеников и преподавателей школы. Таисия никогда не пропускала эти концерты. С детства родители – Варвара и Иван – водили её в клуб. Глядя на то, как ученики музыкальной школы играют на фортепиано, Тася уже в пять лет решила, что будет музыкантом. Ей нравилось наблюдать, как множество похожих друг на друга клавиш издавали красивые и стройные звуки, как её соседка Тонька, которая была на пять лет старше, стучала по клавишам, а из-под её пальцев рождалась удивительная, как казалось Тасе, музыка. Правда, Тонька всегда говорила: «Как мне надоели эти гаммы!», но при этом с регулярной настойчивостью перебирала клавиши. Тася в глубине своей детской души всегда мечтала играть лучше этой задаваки Тоньки. А когда родители первый раз привели её в клуб на концерт, то, услышав, как играют учителя, Тася приняла чёткое и неоспоримое решение: «Буду музыканткой!» И в те редкие выходные, когда родители не могли пойти в клуб из-за каких-нибудь неотложных дел, Тася забивалась в угол за кроватью и плакала.

Наконец, ей исполнилось семь лет, и она пошла в школу, как обещали родители. Однако Тася воспринимала слово «школа» применительно лишь к одному зданию, которое притягивало её уже давно. Для неё была только одна школа – музыкальная. Поэтому, отсидев первые два урока, Тася покинула школу и ушла домой. Мама была удивлена, что дочь пришла так рано.

– Вас уже отпустили?

– Да.

– Но вы должны были ещё один урок отучиться!

– Мама, – с выражением начала Тася, – вы меня не в ту школу отдали! Взрослые, а такие глупые!

Мать от таких претензий оказалась в замешательстве.

– Как это не в ту? – удивлённо спросила она.

– Я шла учиться музыке, а вы с папой, наверно, перепутали. Нам рассказывали всё что угодно, но только не о том, как нажимать на клавиши.

– А-а... Вот ты о чём! Так мы не перепутали. В эту школу ходят все дети, кому исполняется семь лет.

– А зачем? Ведь там не учат музыке!

– Зато там тебя научат читать, писать и считать. Это очень важно. Как же ты собираешься учиться играть, если не будешь уметь читать и писать?

Тася задумалась. Вспомнив Тоньку, она поняла, что утром та ходит в обычную школу, а вечером – в музыкальную.

– Ладно, уговорила. Буду я ходить в эту школу. Но вы с папой обязательно должны отдать меня в музыкалку! Я хочу научиться играть на пианине.

– На пианино, – поправила дочь мама, – а лучше говорить «фортепиано».

– Не-е, это сложно! Но «пианино» запомню! – с вызовом ответила Тася и пошла в комнату.

Вечером мать позвала отца. Они сели за стол на маленькой кухне и стали думать, как найти возможность купить фортепиано для дочери. Также возник вопрос: куда бы его поставить? Потратив час, они не пришли к однозначному решению и перенесли своё обсуждение на следующий день.

Утром Тася встала, самостоятельно собрала свой портфель, и они с мамой направились в обычную школу. Так девочка решила разграничить свои интересы. Слово «музыкалка» она произносила с придыханием и каким-то вдохновением. А «обычная школа» не вызывала у Таси никаких чувств, поэтому из её детских уст она звучала отрывисто и без эмоций. Когда они подошли к зданию школы, мама сказала:

– Запомни: если ты будешь уходить с уроков тогда, когда тебе захочется, то мы с папой не отдадим тебя учиться играть на фортепиано.

Эта фраза для Таси прозвучала настолько угрожающе, что она решила больше никогда не уходить с уроков, даже если ей будет очень и очень скучно и неинтересно.

– Хорошо, я всё поняла! Только и вы с папой выполните своё обещание!

– Но мы пока ничего не обещали.

– Ну ты же сказала!..

– Я сказала, что «не отдадим», но я не сказала, что ты «обязательно будешь учиться».

Мы с папой пока думаем.

– Тогда и я буду думать, на каких уроках мне сидеть, а с каких уходить! – скорчив обиженную мину, выпалила Тася и побежала в здание школы.

Мать стояла в изумлении от таких слов. Детвора вокруг кричала и с воплями вбегала в серое двухэтажное здание, которое поглощало все крики и визги. Звонок, прозвеневший в школе, вернул Варвару в действительность.

Вечером мать с отцом продолжили обсуждение темы, прерванное накануне. Долго экспериментируя с пространством квартиры, они всё же нашли решение. Оставалось найти деньги на покупку инструмента. Дочери своё решение они пока оглашать не торопились. Иван решил сходить в музыкальную школу и спросить, как можно поступить учиться. Выяснилось, что набор в школу уже закончен. Но им порекомендовали не расстраиваться и обратиться к бывшей учительнице, которой недавно исполнилось 80 лет. Иногда она давала частные уроки. Ежемесячная оплата почти не отличалась от той суммы, которую следовало платить школе.

Посоветовавшись друг с другом и переговорив с педагогом, Иван с Варварой решили, что в октябре, на день рождения дочери, купят ей пианино, а с ноября станут водить её к Ольге Николаевне – именно так звали преподавателя музыки. До счастливого и судьбоносного события оставалось чуть больше месяца. Естественно, до дня рождения дочери решили молчать.

Тася ходила в школу, училась в меру своего желания. Но уходить с уроков больше себе не позволяла. Слова матери, с одной стороны, пугали, а с другой – давали надежду на исполнение своего самого заветного желания. Вообще-то, родители всегда шли у дочери на поводу и исполняли всё, что она попросит. Тася знала, что, если её желания не исполнялись, значит, родители хотели, но не смогли. Такое бывало. При этом мама всегда объясняла, почему они с отцом не смогли выполнить то, о чём она просила.

И вот наступил долгожданный день рождения. Тася ещё накануне вечером ощутила какую-то необъяснимую радость. Такого чувства никогда ещё не было. Она исподтишка наблюдала за родителями, присматривалась к их взглядам и словам. Однако в их поведении не было ничего необычного. Как всегда, мама велела ложиться спать по причине того, что завтра

в школу. Тася, лёжа в кровати, пыталась понять, чем вызвано такое безразличие, но в силу своего возраста не находила никакого объяснения. Обида накатила так быстро, что слёзы потекли сами собой. Но то ли от усталости, то ли от пережитой обиды, с мокрыми от слёз глазами девочка уснула.

Утро наступило достаточно быстро. Открыв глаза, Тася первым делом посмотрела на часы. Выяснилось, что она проснулась за час до того, как должна была проснуться мама. Сев на кровати, девочка стала думать о том, какой же подарок она получит от родителей. Время тянулось издевательски долго. Мысленно Тася возмущалась тому, что в день её рождения родители даже не захотели проснуться чуть раньше. В соседней комнате закрипела металлическая кровать.

«Наконец-то проснулась...» – обиженно подумала Тася.

Мама подошла к дочери, поцеловала её и, поздравив с днём рождения, спросила:

– А почему ты сидишь и не идёшь умываться?

– Сейчас пойду! – с нескрываемой гримасой пробурчала Тася.

– Давай иди в ванную, а я приготовлю тебе завтрак.

Тася слезла с кровати и пошла умываться. Закрыв за собой дверь и включив воду, она начала бороться с душившей её обидой. Слёзы опять потекли по щекам. Тася смывала их водой, но, видимо, организм открыл кран где-то там, внутри, в голове, на полную мощность – чем больше она мочила лицо, тем сильнее текли слёзы. Спустя пять минут девочка всё же смогла справиться со своими эмоциями и пошла на кухню, где суетилась мама. Выяснилось, что, пока она боролась со своими слезами, папа уже успел проснуться и сидел на стуле в ожидании, пока Тася освободит ванную. Он тоже как-то буднично подошёл к дочери и, чмокнув её в макушку, пожелал, чтобы она росла честной, послушной и милой девочкой. После этого, как и всегда по утрам, проследовал умываться.

Есть не хотелось. Но Тася знала, что как бы она ни отказывалась, мама всё равно заставит позавтракать. Поэтому, решив не портить себе дальше и так уже подпорченное обидой настроение, девочка быстро съела манную кашу и бутерброд с маслом. Не допив чай, Тася выскочила из-за стола и побежала собирать портфель. Ей хотелось как можно быстрее уйти из дома в школу. Увидев, что мама собралась, она, не дожидаясь её, проскользнула за дверь и, спустившись по лестнице, выбежала на улицу. Погода была пасмурная, что совсем не улучшало настроение. Дорога до школы казалась длиннее обычного. Наконец, они подошли к заветному зданию. Тася, забыв поцеловать маму, не оборачиваясь, помахала ей рукой и вбежала в здание школы.

Варвара, конечно, понимала, что происходит с её дочерью, но решила держаться до конца.

«Ничего, придёт из школы – и всё изменится!» – подумала она и пошла домой. Через два часа им должны были доставить пианино.

Тася быстро поднялась на второй этаж и влетела в класс. Но едва она переступила порог, как какая-то сила заставила её резко остановиться. Класс был украшен множеством разноцветных надувных шаров, а над школьной доской висел огромный, как показалось Тасе, плакат, на котором яркими красками были написаны поздравления и пожелания. Тася первый раз за сегодняшнее утро ощутила радость. Ребята дружно прокричали «Поздравляем с днём рождения!» и, расталкивая друг друга, одной большой толпой побежали к растерянной Тасе, протягивая ей игрушки, конфеты и открытки. Тася машинально собирала подарки и думала: «А учиться-то хорошо – вон сколько подарков!» Но в этот момент она вновь вспомнила о том, что родители ей ничего не подарили, и слёзы сами потекли по её щекам. Ребята, не понимая её горя, толкали Тасю и по-своему, по-детски пытались успокоить. Тася перестала плакать и пошла на своё место за третьей партой. Рядом с ней сидела девочка, которую звали Нина.

Тася аккуратно положила подарки на край парты и поздоровалась с соседкой. Та посмотрела на неё завистливым взглядом.

– Ты чего такая?

– Тебе хорошо: день рождения осенью!

– А почему хорошо-то?

– Пришла в школу, а тебя подарками задарили!

– А у тебя когда день рождения?

– Летом... в июле, – грустно произнесла Нина.

– Ну и что? – не понимая смысла сказанного, спросила Тася.

– Летом каникулы! – прошипела Нина. – Никто не учится, а значит, и подарки никто не дарит.

– А мама с папой?

– Они мне на день рождения книгу подарили. Я только не помню, как она называется. Я её на полку положила и забыла.

В этот момент прозвенел звонок, и в класс вошла учительница.

– Садимся, – произнесла она, – начинаем урок. Сегодня у нас Тася – именинница. Давайте её поздравим!

Все встали из-за своих парт и громко, хором произнесли «По-здрав-ля-ем!» Тася от такого пристального к себе внимания начала краснеть. Сердце от радости готово было выскочить наружу. И она, не справившись со своими эмоциями, когда все расселись по своим местам, встала и громко крикнула «Спа-си-бо!» Затем, сама того не ожидая, поклонилась на все четыре стороны, повернувшись по часовой стрелке вокруг себя. Ребята засмеялись, что несколько смутило Тасю и заставило быстро сесть за свою парту.

Учительница сказала, что в честь дня рождения она не станет вызывать Тасю к доске и спрашивать. Поэтому девочка сидела на всех уроках в расслабленном состоянии. Настроение улучшилось. Но к концу последнего занятия она опять вспомнила о родителях, и радость потихоньку начала угасать. Звонок, сообщивший об окончании урока, вызвал нервную дрожь в теле девочки. Она понимала, что сейчас встретится с мамой и они пойдут домой. А идти домой не хотелось...

Тася собрала подарки и медленно пошла к выходу из здания школы. Гомон и крики во дворе учебного заведения её не радовали. Хотя этот шум возвещал, что на сегодня уроки закончились и как минимум до завтрашнего дня можно жить своей свободной и привычной жизнью, какой все жили до того, пока не пошли учиться. Тася оглядела двор и не увидела там мамы.

«Они про меня забыли! – с испугом подумала девочка. – Вот почему они не подарили ничего! Они просто решили меня бросить!»

Эта мысль так сильно расстроила Тасю, что она начала потихоньку всхлипывать. И только девочка собралась заплакать, как услышала, что вдалеке мама зовёт её по имени. Обратив свой взор туда, откуда послышался зов, она увидела, как Варвара в незастёгнутом плаще бежала в сторону школы.

«Не бросили... не забыли!...» – промелькнуло в голове.

Тася побежала навстречу маме.

– Ты извини, что я опоздала, – пытаюсь восстановить дыхание, произнесла Варвара, – просто твой подарок немного задержали.

Тася округлила глаза. Лёгкая дрожь пробежала по маленькому детскому тельцу. Она почувствовала, что именно так и должно было случиться. Сперва подарки в школе, а потом – подарки от родителей. Она сразу и не поняла слова «твой подарок немного задержали». Она не услышала всю фразу целиком. Но прозвучало магическое слово «подарок», и Тася больше ничего не желала слушать. Она схватила маму за руку и, прикладывая усилия, потащила её

домой, ведь там находился подарок от родителей. Подарок, который для неё был дороже всего. Именно сегодня. «Пусть это будет даже открытка, – думала Тася, – или хотя бы конфета». Ей вдруг стало абсолютно без разницы, что подарят мама с папой. Главным было одно: «Они мне что-то подарят! Значит, они меня любят!»

Придя домой, Тася заметила, что шкаф для верхней одежды стоит не совсем там, где стоял всегда. Она сбросила ботинки и побежала в комнату. То, что Тася там увидела, повергло её в шок, и девочка упала, потеряв сознание.

– Доченька, открой глаза! – откуда-то издалека услышала Тася. Она с трудом открыла глаза. Рядом, вся в слезах, сидела мама, а за её спиной, весь какой-то бледный, почти белый, стоял отец.

– Мама, – шёпотом спросила Тася, – что со мной?

– Ты потеряла сознание. Так бывает, не беспокойся. Сейчас всё пройдёт.

– А я видела пианино, или мне это приснилось?

Мама слегка отодвинулась, и перед взором Таси предстал чёрный деревянный музыкальный инструмент. На передней стенке по сторонам были прикреплены два канделябра, что делало её пианино самым красивым.

– Оно красивее, чем у Тоньки. – вновь прошептала Тася.

– Лежи... закрой глаза. – сказала мама.

Сопротивляться не было сил, и Тася, закрыв глаза, уснула. Ей снилось, что Тонька бегала за ней с молотком и хотела разбить её пианино. Тася всячески пыталась загородить свой подарок, но в этот момент Тонька начинала раздуваться, как воздушный шарик. Раздуваясь, она становилась всё больше и больше. И молоток в её руках пропорционально увеличивался в размерах. И когда огромная Тонька замахнулась огромным молотком, чтобы ударить по её подарку, Тася закричала и проснулась. На её крик прибежали родители. Девочка, не обращая внимания на их перепуганный вид, подскочила и в два прыжка оказалась возле инструмента. Увидев, что тот стоит целый и невредимый, Тася попыталась его обнять. Но когда у неё это не получилось, она стала нежно гладить своё долгожданное и большое пианино.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила мама.

– Хорошо! Теперь у меня есть своё, настоящее пианино! А это главное!

Тася, забыв про все сегодняшние обиды на родителей, начала танцевать, кружась по всей комнате и напевая: «Я буду музыканткой... меня узнает мир!» Она остановилась только после того, как услышала, что родители заливисто смеются.

Учиться в общеобразовательной школе Тасе не нравилось. Однако обучение музыке перекрывало все неприятные события, которые были связаны с проблемами в математике и чистописании.

Правда, первый год обучения у Ольги Николаевны чуть было не отбил её искреннее желание стать знаменитой пианисткой.

Ольга Николаевна была пожилой дамой старой закалки. В молодости – ещё до революции, во времена царской России – она работала в оркестре губернского театра. Говорить об этом она не любила, но практически все её ученики знали в том или ином объёме биографию своего педагога. Ольга Николаевна была требовательной и даже порой жёсткой, но в то же время в высшей степени талантливым как музыкантом, так и преподавателем. За годы своей преподавательской деятельности она подготовила множество одарённых музыкантов, которые в будущем становились известными не только в Советском Союзе, но и за пределами страны. Именно по этой причине её постоянно атаковывали не только родители учеников, но и уже состоявшиеся музыканты – для повышения своих возможностей в технике игры. Родители юных учеников верили, что если Ольга Николаевна возьмётся за обучение, то музыкальная карьера их чадам обеспечена. Однако возраст брал своё – Ольга Николаевна только

что отпраздновала своё восьмидесятилетие, – и набирать много учеников уже не было физических сил.

Когда Иван пришёл на разговор к Ольге Николаевне, то всех этих деталей её биографии он не знал. В музыкальной школе ему сообщили, что она является опытным педагогом и иногда берёт подработку к пенсии.

Ольга Николаевна выслушала Ивана и сказала, что ей надо подумать, поэтому для принятия решения необходимо подождать неделю. Иван крайне удивился столь необычному отношению к подработке, но сослался на возраст преподавателя. Поэтому через неделю он вновь пришёл к ней, не питая больших надежд на положительное решение.

Ольга Николаевна сидела в кресле-качалке, завёрнутая в старый, побитый молью плед, и пристально смотрела на Ивана.

– Что Вы решили? – пытаюсь нарушить уже ставшую неприличной тишину, обратился он к Ольге.

– Я должна послушать девочку. Вы сказали, она очень хочет учиться музыке?

– Да!

– А слух у неё есть?

– Не знаю! Но она любит петь, и, как нам кажется, мелодия у неё получается.

Ольга Николаевна, продолжая вальяжно качаться в кресле, улыбнулась.

– Мелодия получается... – повторила она слова Ивана. – А слух-то у нее есть?

– Так откуда же нам-то это знать? – возмутился Иван.

– Хорошо! Приведите девочку, а потом я дам окончательный ответ.

На том они и порешили.

До дня рождения озвучивать дочери свои планы они с Варварой не стали. И только после того, как инструмент был подарен, Тасе сообщили, что в субботу они пойдут на прослушивание к учителю.

Что означало слово «прослушивание», Тася не знала, но решила, что она должна будет послушать, как играет учительница, и решить, будет у неё учиться или нет. Каково же было её удивление, когда Ольга Николаевна попросила её спеть.

– А танцевать мне тоже нужно будет? – возмущённо спросила Тася и посмотрела на отца.

– Нет, ты же пришла музыке учиться, а не танцам, – спокойно произнесла Ольга Николаевна.

– А зачем тогда мне петь? – продолжила капризничать Тася. – Я же не певицей стать хочу, а музыканткой!

– Правильно говорить «музыкантом» или «пианисткой», – поправила её Ольга Николаевна.

– Нет, музыканткой! – возмутилась Тася. – Я же девочка – значит, музыканткой.

– Ну ладно, пусть будет по-твоему, – согласилась Ольга Николаевна. – Но я должна послушать, есть ли у тебя слух и сможешь ли ты играть ту музыку, которой я буду тебя учить.

Тася на минуту задумалась, а потом быстро подошла к стоявшему в углу салонному роялю фирмы Карла Шрёдера. Это была известнейшая фортепианная фирма, существовавшая более сотни лет. В России эти мастера-немцы появились в конце XVIII – начале XIX века, сразу после победы над Наполеоном, в то время, когда производство фортепиано находилось в самом начале своего стремительного развития. В дореволюционной России приобрести рояль именно этой фирмы считалось большой удачей. И то, что Ольга Николаевна являлась обладательницей такого инструмента, говорило о многом. Только говорило это тем, кто хоть что-то понимал в музыке. Ни Тася, ни её родители таких познаний не имели. Поэтому девочка, подбежав к инструменту, небрежно откинула крышку рояля и погладила клавиши. После чего начала двумя пальцами играть мелодию. Она запомнила эту мелодию, потому что Тонька часто её наигрывала. А поскольку визуальная память у Таси была великолепной, она в период сво-

его горячего желания «играть лучше подруги» запомнила порядок нажатия клавиш. Доиграв до конца, она уже аккуратно опустила крышку на клавиши и, серьёзно посмотрев на Ольгу Николаевну, сказала:

– Замечательное пианино!

– Это рояль! – произнесла Ольга Николаевна с улыбкой, после чего добавила: – Я буду тебя учить.

Тася, с лицом победительницы в битве при Ватерлоо, посмотрела на родителей. Варвара с Иваном выглядели растерянными. Взяв себя в руки, мать, наконец, спросила:

– Вы действительно согласны?

– Да, у девочки хорошая музыкальная память. Это произведение в музыкальной школе дают на втором году обучения. А она, пусть и двумя пальцами, смогла воспроизвести мелодию без единой ошибки, что говорит о её абсолютном слухе.

Домой возвращались все в приподнятом настроении. То, что у их дочери абсолютный слух, для родителей стало откровением. А то, что Тася вообще умела нажимать на клавиши и воспроизводить хоть какую-то мелодию, стало ещё и потрясением. Для самой же девочки это была самая настоящая победа. Она смогла доказать родителям, что музыка для неё – не просто прихоть. Ей казалось, что именно сегодня она доказала маме с папой, что обязательно станет профессиональным музыкантом. Именно «музыкантом» – Тася хоть и вредничала, но чётко запомнила слова, сказанные Ольгой Николаевной.

Год обучения у Ольги Николаевны содержал в себе как радость познаний, так и страх перед занятиями. Каждый раз, как только Тася делала ошибку в мелодии, Ольга Николаевна била её по рукам указкой. Было больно, обидно и унижительно. Но, закусив губу и подавляя страх, Тася продолжала ходить на занятия.

Ольга Николаевна была требовательной, даже жёсткой, но в моменты, когда урок заканчивался, она становилась милой бабушкой и всегда звала Тасю пить чай с конфетами. Большое количество шоколадных конфет в разноцветных обёртках завораживало девочку. Она не знала, откуда брала эти конфеты преподавательница; она вообще даже никогда в жизни не видела таких конфет, но ради этих чаепитий Тася была готова терпеть боль от указки.

Обучение развивалось стремительно. Благодаря своему природному дару запоминать всё быстро и чётко Тася уже через полгода неплохо музицировала. Причём Ольга Николаевна начала давать ей произведения, которые изучали в музыкальной школе во втором и третьем классах. Поэтому к концу года девочка уже бегло играла. Но самое главное – она развила настолько удивительную технику для своего возраста, что родители не верили, что это их дочь. Тася научилась импровизировать и очень часто подбирала мелодии самых любимых песен своих родителей. Когда собирались гости, девочка с чувством собственного достоинства садилась за инструмент, и с каждым прикосновением её маленьких пальчиков к клавишам последние начинали издавать красивые и очень мелодичные звуки.

По окончании первого года обучения Тася поступила в музыкальную школу и продолжила учиться уже официально. Педагоги были в восторге от её таланта. Уже в пятом классе музыкальной школы ей пророчили большое творческое будущее.

Обычная школа не очень привлекала Тасю. Училась она без особого желания. Но страх, что если она будет получать плохие оценки, то ей не позволят учиться музыке, побеждал. Поэтому к десятому классу Таисия была уверенной хорошисткой, не имевшей ни одной тройки. Правда, и пятёрка была только одна – по пению. Но родители были довольны, да и сама Тася считала, что у неё всё хорошо. В музыкальной школе она была круглой отличницей. Дирекция считала, что им очень повезло с такой талантливой ученицей.

Ольга Николаевна умерла три года назад. Для Таси это был сильнейший удар. Хоть она и вспоминала её болезненные уроки, но, становясь старше, девочка поняла, *что* для неё сде-

лала первая учительница. Взрослея, она стала чаще вспоминать Ольгу Николаевну и в мыслях искренне благодарила её.

Наступил самый ответственный день в её жизни. Сдав все экзамены, Тася получила диплом об окончании музыкальной школы и официальную рекомендацию директора для поступления в музыкальное училище. В первую очередь, конечно, рассматривалось Ростовское музыкальное училище. Но прежде чем туда поступить, следовало окончить общеобразовательную школу. До окончания оставалось два года. В связи с тем, что Тася не планировала в ближайшие два года поступать в среднее специальное учебное заведение, директор школы предложила заниматься с ней – для поддержания техники и повышения профессионализма. Понимая талант девочки, директор предложила свою помощь бесплатно, что очень обрадовало родителей.

По окончании общеобразовательной школы, Тася, недолго думая, помчалась в Ростов, в музыкальное училище. Но выяснилось, что ближайшие два года набор по классу фортепиано не предусмотрен, в связи с постоянным недобором студентов. Девушка вернулась домой в подавленном состоянии. Оставался единственный вариант – ехать в Москву. Но, требовались большие деньги, коих ни у Таси, ни у родителей не было. Поэтому, посоветовавшись, мать с отцом предложили ей пока поработать, после чего пробовать поступить в следующем году.

– Заодно и денег накопишь! – решительно сказала Варвара, посмотрев на отца.

– Я, согласен – кивнув головой, тихо проговорил Иван.

Но, одним годом не обошлось. Небольшие деньги, которые Таисия зарабатывала в начале посудомойкой, затем уборщицей, тратились совершенно незаметно. Не один год потребовался Тасе, чтобы накопить хоть какую-то приличную сумму. И всё это время она продолжала заниматься с директором музыкальной школы, которую окончила. Наконец, пересчитав свои сбережения, она поняла что сумма позволявшая купить билет на поезд, а также какое-то время жить в Москве в период сдачи экзаменов, была накоплена и девушка отправилась в столицу, поступать в музыкальное училище имени Гнесиных...

Только потом, спустя много лет, Таисия узнала, чего стоило родителям её обучение в музыкальной школе. Как они сэкономили на еде – только бы она училась. Всего этого Тася не знала, потому что её кормили полноценно. А когда она спрашивала, почему мама не садится с ней завтракать или обедать, то всегда слышала одно и то же: «Я потом – сейчас некогда». Тася не придавала этим словам особого значения. Лишь много позже она узнает, что мама лишала себя практически всего. Иногда она ела лишь хлеб с молоком, при том что Тасе всегда доставались мясо, колбаса, сыр. В корзиночке всегда лежали шоколадные конфеты, история появления которых также несильно интересовала Тасю. Это уже потом, за несколько месяцев до своей кончины, Варвара, сокрушаясь по телефону, что дочь не стала известной пианисткой, кратко рассказала ей всю правду о тех сложностях с деньгами, которые были, пока она училась.

Тася очень стеснялась своей жизни, поэтому редко приезжала к себе домой и никогда никому не рассказывала о своём музыкальном образовании. Свой диплом об окончании Гнесинки она однажды ночью тайком сожгла, когда забеременела в третий раз. Её муж мечтал иметь большую семью, поэтому Таисия рожала каждые полтора-два года. В общей сложности у них с Иваном родилось четверо детей. Муж был счастлив, а Тася навсегда распрощалась со своей музыкальной карьерой и вначале устроилась уборщицей в городскую столовую, а потом – техничкой в школу, чтобы быть ближе к детям. Конечно, она могла восстановить диплом, сославшись на то, что потеряла его, и устроиться педагогом музыки, но однажды зимой, после рождения третьего ребёнка, Тася поскользнулась и повредила палец. Муж был в командировке, поэтому детей не с кем было оставить. В конечном итоге палец оказался сломан и неправильно сросся, что уже окончательно не позволяло ей играть. Таким образом, для

своих детей Таисия окончила лишь школу и поэтому, не имея высшего образования, просто мыла полы.

Иван

Парень давно уже заметил молодую особу, переминавшуюся с ноги на ногу возле станции метро «Арбатская». Девушка была явно провинциалкой, но уже с каким-то московским отливом. Такое сочетание вызывало у Ивана ещё больший интерес к ней. Он собирался встретиться с одноклассниками, чтобы пойти в пивную «Жигули» на Калининском проспекте. Друзья давно планировали посетить это знаменитое питейное заведение, но быт обычно брал своё. И вот, наконец, все решили отодвинуть свои дела и встретиться, вспомнить школьные годы. Попасть в эту пивную было сложно, но одноклассник Васька был знаком со швейцаром и поэтому был уверен, что за три рубля тот пустит их без очереди по «брони».

Друзья немного запаздывали, поэтому Иван, рассматривая окрестности, остановил свой взгляд на девушке, которая стояла несколько в стороне от входа в метро. На её лице была написана нескрываемая радость, больше похожая на блаженность. Иван сначала исподтишка наблюдал за ней, но после нескольких ответных взглядов начал настойчиво изучать эту счастливую стройную особу, пытаясь найти повод познакомиться. Судя по взглядам самой девушки, она тоже была не прочь, чтобы парень был немного настойчивее.

Ивану исполнилось двадцать пять лет. Он считал себя вполне взрослым и самостоятельным человеком. Когда-то его дед переехал в Москву, женился – и вот уже более пятидесяти лет их семья считалась полноценными москвичами. Сам Иван был коренным москвичом, поскольку его родители родились уже в столице. Благодаря Хрущёву несколько лет назад они получили отдельную квартиру в так называемой хрущёвке. Но после комнаты в коммуналке, где они жили с самого рождения Ивана и где, помимо них, проживали ещё пять семей, эта не очень большая двухкомнатная квартира казалась настоящим дворцом. Поэтому молодой человек считал себя завидным женихом.

Жизнь Ивана была довольно разнообразной. Хотя родился он в годы самой тяжёлой войны в истории двадцатого века, но благодаря тому, что его отец, Михаил Дмитриевич, трудился на оборонном заводе, который именно в год рождения Ивана возобновил свою работу в Москве, семья всегда была вместе. Спустя год после вынужденной разлуки отец был возвращён из Омска, куда завод был эвакуирован ещё в начале войны, обратно в Москву. Началась подготовка к его развёртыванию. К середине 1943-го предприятие должно было заработать на благо обороны страны. Поэтому год разлуки Михаила Дмитриевича с женой привёл к тому, что в сорок третьем году родился Иван.

Мать, Елена Сергеевна, работала на киностудии «Мосфильм». В начале войны она всячески пыталась попасть на фронт и бить проклятых фашистов, но по распоряжению Сталина киностудия должна была работать полноценно и выпускать фильмы для поддержания боевого духа солдат. Елену не пустили. Однако она решила записаться в ополчение местной противовоздушной обороны и по ночам выходила на дежурство на крыши домов, охраняя их от так называемых зажигалок, которые сбрасывали фашистские бомбардировщики. На крышах домов стояли бочки с водой, на земле – ящики с песком. Елене необходимо было схватить щипцами упавшую «зажигалку» и поместить её в бочку с водой или сбросить на землю. Такая работа требовала огромного мужества, потому что иногда «зажигалки» имели свои сюрпризы. Но весь советский народ был готов жертвовать собой – только бы не дать фашистам завоевать свою Родину. Елена была отчаянной девушкой. Именно поэтому, будучи беременной, она до последнего не покидала ополчение. Можно сказать, что Иван, ещё не родившись, уже защищал Москву, чем и любил похвастаться в компании. Родившись в самый разгар войны, саму её Иван, конечно, не помнил. Но где-то в глубинах его памяти осталась та радость, которая была у всех после того, как объявили о капитуляции фашистской Германии. Иногда ему казалось, что он очень хорошо помнит салют в честь Победы над фашистами. Но эти воспоминания ско-

рее базировались на рассказах родителей. Ваня всегда отождествлял себя с этими рассказами и в какой-то момент поверил в то, что он сам был свидетелем событий.

Рос Ваня самым обычным мальчишкой. Послевоенные годы были сложными для всей страны. Отец с мамой работали чуть ли не сутками. Воспитанием мальчика занималась бабушка. Когда Ване исполнилось двенадцать лет, бабушки не стало. С этого момента мальчик был предоставлен сам себе. И хотя воспитывали Ваню в традициях послушания и уважения к старшим, подростковый возраст обычно всё же побеждал. Ваня много времени проводил на улице с друзьями, начал курить, и периодически Елена даже чувствовала запах алкоголя, доносившийся от сына. Любые попытки матери повлиять на ситуацию наткнулись на сопротивление. Мужа Елена старалась не загружать семейными проблемами, понимая, что его работа крайне ответственная, и поэтому дома он должен был отдыхать, а не погружаться в семейные дразги. Когда Ване исполнилось четырнадцать лет, отцу всё же пришлось узнать о проделках сына.

Однажды Михаила Дмитриевича вызвали в милицию. Его сын в пьяном состоянии разбил витрину в магазине, потому что продавец отказалась продать ему пиво. Для отца стало откровением, что его сын пьёт. Вопрос был решён быстро путём компенсации стоимости витрины – благо у Михаила Дмитриевича была высокая зарплата по меркам обычного советского человека. Придя домой, он учинил подробный допрос Елене. Услышав её рассказ, Михаил Дмитриевич получил первый инфаркт.

Болезнь отца немного остепенила Ваню. Он даже попытался начать лучше учиться. Однако бурная жизнь, включавшая в себя прогулы школы, давала о себе знать. Кое-как Иван закончил семь классов и решил поступить в ремесленное училище. К своему великому удивлению, он обнаружил, что там тоже преподают школьную программу и учиться надо ещё больше, чем в школе. Спустя полгода мытарств он бросил учебу. Надо было что-то делать. Два года он пытался найти себя: то устраивался работать дворником, то подсобным рабочим в магазин. Но везде ему не нравилось отношение к нему окружающих. Рассказывать о том, кем работал его отец, не хотелось. Но и «садиться себе на шею» по принципу «сбегай туда...», «принеси...», «отнеси...», «бегом, чего плетешься...» тоже не хотел никому позволять.

В семнадцать лет Иван вступил в ДОСААФ и окончил курс профессиональных водителей. Получив права, ушёл служить в армию. Армейская жизнь также была для Ивана малопривлекательной. Но после того, как он дважды попал на гауптвахту, понял: как бы он ни сопротивлялся, офицеры всё равно добьются своего. Поэтому, решив, что неприятности, возникающие благодаря его неумному и неуживчивому характеру, не добавляют радости, взвесив для себя все за и против, Иван принял окончательное решение, что будет выполнять приказы начальства и не спорить с ним.

Через шесть месяцев службы воинскую часть подняли по тревоге. Они должны были прибыть на полигон, находившийся в сорока километрах от места дислокации. Как и любые учения, эти также были приближены к боевым. Конечно, война уже давно закончилась, но Советский Союз испытывал давление от правительств западных стран, поэтому армию держали в чёрном теле. Служил Иван водителем на грозной и очень громоздкой машине «Урал». Эти машины тогда только стали появляться в войсках. Вернее, это была модифицированная модель предыдущей версии «Урала», проходившая обкатку в реальной обстановке. Ивана посадили за руль экспериментального варианта. Почему для обкатки была выбрана именно их воинская часть, никому было не известно. Но единственная машина досталась именно Ивану. Сев первый раз за руль, молодой человек почувствовал себя словно в космическом корабле. Громоздкая кабина и огромные колёса, отрывавшие её высоко от земли, создавали у парня ощущение полёта. Но отсутствие возможности развить высокую скорость несколько смазывало эти чувства. Правда, надо сказать, что, помимо полёта, Иван испытывал в кабине этого чуда автомобильной промышленности абсолютную защищённость. Обучаясь в ДОСААФ, молодой человек

проходил практику на одной из первых моделей грузовика, поэтому разницу чувствовал всем своим телом. В целом, Иван был рад, что именно он будет испытывать эту машину, хотя некоторое чувство страха всё же присутствовало. Парнем он был отчаянным, поэтому несколько не сомневался, что справится.

По ровной дороге ехать было легко, но когда колонна свернула на просёлочную, то Иван ощутил какую-то неуверенность. Он просто не чувствовал габаритов машины, что заставляло его каждый раз напрягать все свои мышцы, чтобы удержать этого монстра, когда колёса попадали в разные выбоины и глубокие колеи с перепадом высот. В такие моменты машина со скрипом наклонялась в ту или иную сторону, отчего возникало ощущение, что она вот-вот завалится. Прибыв к месту дислокации, Иван долго не мог оторвать ладони от руля. Они не просто затекли – они стали деревянными и бесчувственными. Когда его спрашивали, каково управлять такой машиной, он говорил: «Ничего сложного». Признаваться в том, что он несколько раз чуть не обделался, не хотелось. Ведь тогда его могли заменить, и до окончания службы к нему прикрепилось бы какое-нибудь обидное прозвище. Поэтому, здраво рассудив и прикинув последствия, он решил всем говорить, что машина хорошая и управляется легко.

Ранним утром всех подняли по запланированной тревоге, и водители колонной отправились на специально подготовленный полигон. Они должны были сдавать зачёт по вождению автомобиля на пересечённой местности. Это была закольцованная насыпная дорога с ямами, пригорками, водными преградами и огромными колеями, специально перекопанными и залитыми водой, отчего в этих колеях после проезда двух первых машин получилось месиво из скользкой глины и мокрой земли. Лёгкие грузовики, пробуксовывая на подъёмах, ещё больше усложняли трассу. Настала очередь Ивана. Он завёл свой «Урал» и медленно, не спеша двинулся вперёд. Первую половину трассы кое-как осилил, а вот вторая преподнесла ему неприятный сюрприз. Когда на повороте он начал движение в гору, колёса стали скользить и тянуть машину в овраг. Иван всячески пытался удержать многотонный грузовик, но не смог. Машина безвольно скользила к краю. Все его попытки вырулить на проложенную дорогу не увенчались успехом и тяжёлая машина, соскользнув в овраг, начала заваливаться. Через минуту тяжеленный «Урал» вместе со своим водителем лежал на боку в овраге. Кое-как выбравшись из кабины, Иван, сокрушаясь, бегал вокруг лежавшего на боку грузовика и материл всех, кто проехал до него. Шедшие следом машины встали, и водители, выбегая из них, с ужасом смотрели на то, как огромный и тяжёлый грузовик безвольно лежал в грязи. Стали подъезжать офицерские газики – и вот спустя тридцать минут вокруг лежащего грузовика собрался целый консилиум, который решал, как поднять многотонную машину. К вечеру общими усилиями «Урал» был поднят и доставлен к полковому автопарку. Иван чувствовал себя раздавленным. Вины в произошедшем он не отрицал, чем ещё больше погружал себя в сомнения в своём профессионализме. Утром вместо зарядки он побежал в парк, к своей машине. Вид внушительного грузовика удручал. Но спустя три часа после капитальных водных процедур автомобиль уже не выглядел столь пугающе. Машина оказалась устойчивой к внешним воздействиям. Однако Ивана с этой машины сняли и перевели на самый распространённый грузовик – «ГАЗ-51». Машина была хорошая, но после происшествия парень стал бояться ездить и на ней. Через два месяца психологических мучений Иван всё же попросил перевести его в ремонтную роту. Так он и служил, ремонтируя другие автомобили.

Однажды зимой командир полка велел Ивану садиться в свой газик и ехать вместе с ним за новыми деталями для ремонтной роты. Иван уселся на заднее сиденье, и они отправились в путь. Дорога была скользкая, и молодой парень за рулём начал терять управление. Машину стало бросать из стороны в сторону, после чего она пошла юзом. Иван, не ожидая от себя такой прыти, в один прыжок перескочил на водительское сиденье, чуть не вытолкнув не только бывшего за рулём парня, который явно уже прощался с жизнью, но и полковника, сидевшего рядом, схватил руль и очень плавно, в несколько движений, чудом выровнял машину. Оста-

новив командирский автомобиль, он с видом героя перебрался обратно на заднее сиденье. Парень-водитель выскочил из машины. Не успел он отбежать в сторону, как его начало тошнить. Полковник же, хоть и сохранял видимое спокойствие, достав папиросу, никак не мог прикурить её по причине трясущихся рук, в то время как Иван, прислушавшись к себе, не почувствовал никакого страха или хотя бы незначительного волнения. Это состояние его очень сильно обрадовало, и он начал улыбаться. Командир, повернувшись, хотел что-то сказать, но, увидев довольное лицо Ивана, вышел из машины. Спустя десять минут они двинулись дальше. Однако за руль командир приказал садиться Ивану. К вечеру они вернулись в часть, а на следующий день появился приказ о переводе Ивана из ремонтной роты на должность водителя командира части. Служба начала ему нравиться. Так Иван и дослужил свои два года, после чего, получив приказ об увольнении, вернулся домой.

В течение месяца молодой человек отдыхал, встречался с одноклассниками. Но родители требовали, чтобы он восстановился в ремесленном училище. Однажды, после очередной встречи с друзьями, когда Иван проходил мимо Тушинского машиностроительного завода, он увидел объявление, в котором было написано, что директору требуется персональный водитель. Не откладывая на завтра, воспользовавшись тем, что рабочий день был в самом разгаре, Иван решил узнать условия трудоустройства. Зайдя в отдел кадров, он растерялся. В кабинете сидели три миловидные барышни и, закатив глаза к потолку, почему-то грызли ручки. Увидев такую картину, Иван встал как вкопанный. Девушки же при виде молодого подтянутого красавца побросали ручки на стол и попытались создать видимость работы. Однако отсутствие тех самых ручек не позволяло эту видимость создать.

– Вам чего? – справившись с волнением, спросила одна из девушек, явно чувствуя неловкость.

– Я по объявлению, – выйдя из ступора, отчеканил парень.

– По какому? – пытаюсь найти ручку, которая, скатившись со стола, упала на пол, продолжила задавать вопросы девушка.

Иван подбежал и поднял ручку, передав её несчастной, которая уже не знала, в какую сторону ей наклониться, чтобы поискать пропажу.

– По тому... на улице... водителем.

– Давайте Ваши документы, – окончательно справившись с неловкостью и приняв деловой и важный вид, произнесла барышня.

Иван достал из внутреннего кармана паспорт, водительские права и военный билет. Девушка, которую, как выяснилось, звали Зинаида Ивановна, профессионально изучив его документы, задумалась.

– У Вас, кроме армии, стажа никакого нет?

– Вы же видите!

– Приходите завтра к десяти утра. Я отведу Вас к директору, и он с Вами поговорит.

– Хорошо! – ответил Иван и, положив документы обратно в карман, вышел из кабинета.

Утром, ничего не говоря родителям, Иван собрался и отправился на встречу с директором завода. Около проходной, он увидел новенькую «Волгу». Подойдя к машине, Иван погладил её капот. В том, что эта красавица принадлежала директору, парень не сомневался. Он представил себя за рулём этой машины и понял, что всеми правдами и неправдами должен получить эту работу. За спиной прозвучал грозный голос охранника: «Отойди от машины!» Иван обернулся и увидел, как в его сторону семенит уже очень немолодой человек.

– Я ничего не делаю, только погладил!

– Много вас таких! – сменив гнев на милость, произнес старичок. – Каждый погладит – и вся краска слезет.

– Да ладно, так уж и слезет! – разулыбавшись, произнёс Иван.

– Ну... может, не слезет, но всё равно... не положено.

– А может, я на ней ездить буду?

– Это кто ж тебе дасть-то на ней ездить? – удивился старикашка. Он с каким-то любопытством рассматривал молодого парнишку, который высказывал какие-то крамольные, по его мнению, слова.

– А вот устроюсь водителем и буду ездить! – гордо и как-то высокомерно ответил Иван.

– Ну-у... надо ещё устроиться! Вот когда устроишься – тогда и трогать будешь. А сейчас отойди... не положено!

Иван не стал дальше подтрунивать над пожилым человеком, на груди которого красовались орден Славы, орден Отечественной войны и медаль «За взятие Берлина», и отошёл от машины. Дедок выдохнул, погрозил кулаком и посеменил обратно, на проходную. Иван проследовал за ним.

Поднявшись на второй этаж, он вновь оказался около двери отдела кадров. Прежде чем войти, он на несколько секунд задержался, пытаясь решить, следует ему постучать или войти, как вчера, – может, ему снова повезёт, и он застанет этих молодых красавиц врасплох. Решив всё же постучать, он услышал глухой голос: «Войдите!» Голос явно не принадлежал молодой девушке. Открыв дверь, Иван обомлел. В кабинете сидели две дамы лет пятидесяти. Парень вначале замер в дверях, а потом стал пятиться назад в коридор.

– Что Вы хотели? – сквозь какую-то пелену услышал он.

– А... мне... мне сегодня назначили!

– Чего и кто Вам назначил? – спросила дама, сидевшая у окна.

– Девушки велели прийти сегодня, чтобы поговорить с директором по поводу работы.

– Это какие такие девушки? – удивилась седовласая дама, сидевшая ближе к входу.

– Ну... те... вчера... три, ещё ручки грызли... – продолжая как-то неестественно заикаться, с трудом произнёс Иван.

– Вот ведь профурсетки! – возмутилась дама, сидевшая возле окна.

– В каком смысле? – удивился Иван.

– Похоже, Вас разыграли, – сказала седовласая дама. – Вчера здесь сидели три мои племянницы, пока мы с Тамарой Ивановной ходили обедать.

– И что же теперь – ведь объявление-то висит?

– Какое объявление?

– Ну, про водителя, – на выдохе, с трудом проговорил Иван.

– Тогда в этом вопросе я вам точно смогу помочь, – произнесла дама, которая являлась Тамарой Ивановной. – Нам действительно требуется водитель для директора. Препятствует на пенсию.

– И что мне надо сделать?

– Для начала покажите Ваши документы, а потом пойдём к начальству на собеседование.

Иван достал все свои документы, включая благодарность от командира части.

– Ммм... очень хорошо... замечательно... – приговаривала Тамара Ивановна, рассматривая их. Изучив всё, она отложила документы на край стола и пристально посмотрела на Ивана.

– Что-то не так?

– Всё в порядке! Думаю, директору Вы точно подойдёте!

Последняя фраза несколько не смутила Ивана, хотя и была необычной. Но искать объяснение этой фразе он не стал и, в упор посмотрев на Тамару Ивановну, спросил:

– А директор-то на работе?

После этой фразы лицо женщины несколько напряглось. Она ещё пристальнее посмотрела на Ивана, пытаясь, как будто заглянуть внутрь его головы. Иван смутился и опустил глаза.

– Вы так смотрите на меня, словно я вор-рецидивист! – смущённо, в шутку произнёс парень.

– Ну Вы же не вор? – задала довольно странный вопрос Тамара Ивановна.

Иван поднял на неё колючий и пронзающий взгляд, отчего женщина начала ёрзать на стуле.

– Вы в своём уме, если задаёте такой вопрос? – возмутился Иван. – У меня отец – главный конструктор в секретном КБ!

В ту же секунду Иван осёкся. Он понял, что ляпнул лишнюю информацию, и тут же поплатился за это.

– А чего же Вы не устроитесь к своему отцу? – ехидным голосом задала вопрос Тамара Ивановна.

– Это моя жизнь, и я сам решаю, где мне работать! – гордо ответил Иван.

– Ну... что ж! Пойдёмте к директору.

Иван выдохнул и немного расслабился. Они пошли по длинному коридору, по сторонам которого были открытые, приоткрытые, иногда закрытые светлые и тёмные двери. Такая разнооттеночность немного раздражала. Наконец, они подошли к красивой резной деревянной двери, на которой красовалась табличка: «Директор».

Тамара Ивановна, постучавшись, открыла дверь в кабинет и, входя в него, небрежно бросила через плечо: «Ждите». Иван подчинился и, стоя в коридоре, начал ещё раз рассматривать множество дверей, из которых периодически выходили сотрудники и, быстрыми шагами перемещаясь по обшарпанному коридору, входили в другие двери. Работа была в разгаре. В какой-то момент дверь открылась, и Тамара Ивановна, выглянув, пригласила Ивана.

Кабинет был достаточно большим. Сразу было понятно, что хозяин помещения – довольно большой начальник. В сравнении с коридором кабинет выглядел очень нескромно и до неприличия богато. За большим дубовым столом сидел лысоватый мужчина лет пятидесяти пяти. Как только Иван переступил порог его вотчины, он быстро поднялся, вышел из-за стола и быстрой, спортивной походкой направился в сторону Ивана. Мужчина был невысокого роста, но довольно коренастый и не по возрасту подвижный. Подойдя на расстояние вытянутой руки, он с благожелательным видом поздоровался с парнем, протянул ему свою маленькую ладонь и, не отпуская руки Ивана, потянул его к своему столу.

– Присаживайтесь! Меня зовут Пётр Феофанович. Если вам трудно запомнить отчество, то обращайтесь ко мне «Пётр Фёдорович». Я не обижаюсь.

После этой тирады он улыбнулся.

– Иван, – только и смог выговорить парень.

– Вот и славненько! Мне сказали, что Вы водитель?

– Да, я в армии возил командира части.

– А как звали Вашего командира? – с улыбкой спросил директор.

– Полковник Яковенко.

– А имя? – настаивал Пётр Феофанович. – Имя-то у него было?

– Да... вроде было... – растерявшись и одновременно пытаясь вспомнить имя командира, ответил Иван.

И вдруг он, вспомнив имя полковника и не веря своему умозаключению, посмотрел на сидевшего перед ним улыбавшегося мужчину. Солнце, попадавшее в окно, отражалось на его лысине, отчего та казалась блестящей и светящейся.

– Ну, и как звали Вашего командира? – продолжил настаивать директор.

– Иван Феофанович, – неуверенным голосом произнёс Иван.

– Вы, наверно, догадались, что Ваш командир – мой родной брат! Я ведь тоже Яковенко. Только Ваш тёзка на десять лет моложе меня. Младшенький, в общем!

Иван был настолько растерян, что ничего не мог ответить.

– Так, значит, это Вы спасли моего брата однажды? – И, не дожидаясь ответа, улыбаясь, продолжил: – Ванька мне рассказывал, как он с жизнью попрощался. Он такие дифирамбы пел своему водителю, что я в какой-то момент ему позавидовал.

– Да ничего я такого и не сделал, – со смущением выдавил из себя Иван, – просто не дал нам перевернуться.

– Ну-у, не знаю! – загадочно продолжил Пётр Феофанович. – Я только вчера звонил братцу, и он до сих пор сожалеет, что был вынужден уволить своего водителя. Сокрушался, что таким профессионалам надо служить не два года, а до тех пор, пока они начальству не надоест.

После этих слов директор раскатисто засмеялся.

Иван сидел настолько смущённый, что не знал, как реагировать на веселье директора.

– Мне когда сказали, что на работу устраивается парень, который служил у моего брата, – продолжил мужчина, – я первым делом поинтересовался фамилией. А когда узнал, то чуть со своего стула не упал! Такие чудеса и совпадения бывают один раз в жизни! Поэтому беру тебя на работу без каких-либо условий.

Иван не верил своим ушам. Он вообще не верил в происходящее. Воспоминания о своём командире были у него только в восхищённых тонах, и он чувствовал, что брат полковника по характеру мало чем отличается. А значит, работать с ним будет легко и приятно. Радость с каждой приходящей мыслью нарастала всё больше и больше. К концу разговора улыбка не сходила с лица Ивана. Все попытки убрать её не приводили к нужному результату. Ивану казалось, что со стороны он выглядит нелепо, словно психически нездоровый, которому сделали «укол радости». Но сидевший напротив директор ни одним мускулом не указал ему на странность выражения лица Ивана.

Разговор закончился тем, что директор дал команду Тамаре Ивановне, которая всё это время сидела поодаль, устроить Ивана на работу с завтрашнего дня. Приказ она должна была подготовить сегодня к вечеру, чтобы директор его подписал. На этом все расстались, удовлетворённые встречей.

Приехав домой, Иван сообщил родителям, что устроился на работу. Рассказывая в подробностях, как его принял директор и то, что тот оказался родным братом командира части, в которой он служил, Иван на секунду посмотрел на отца. Тот сидел с каким-то торжествующим видом.

– Ты чего такой? – поинтересовался Иван.

– Как фамилия директора? – переспросил отец.

– Яковенко.

– Так и есть! – воскликнул отец.

– В каком смысле?

– Мы с Петькой вместе учились! – радостно произнёс отец.

– Где?

– В детстве мы вместе учились в единой трудовой политехнической школе, – ответил отец. – Я завтра с тобой поеду – вот он обрадуется!

Ивану казалось, что всё происходит не с ним. Таких совпадений и пересечений он уже не мог воспринять.

Утром они собрались и отправились на завод. При виде отца директор по-мальчишески подпрыгнул и бегом побежал обниматься. Отец, неожиданно для Ивана отбив короткую чечётку, также с криком «Яковешка, я не верю своим глазам!» побежал навстречу директору. Они обнялись, долго похлопывая друг друга по спине. Ивану опять показалось, что он спит и видит добрый и хороший сон.

– Так это твой сын?! – радостно спросил директор, когда они с отцом подошли к Ивану.

– Да, как видишь, вырос и возмужал! – с гордостью произнёс отец. – Стал таким самостоятельным, что я только вчера узнал о его трудоустройстве!

Иван впервые видел отца таким непринуждённым, каким-то даже помолодевшим. А уж такое высказывание в свой адрес для него вообще стало откровением! Ведь отец всегда гово-

рил, что Иван ведёт себя как маленький, что он безответственный, слабохарактерный, пренебрегающий своей судьбой, и вдруг – такое...

Пётр Феофанович посмотрел сначала на отца, потом на Ивана и, причмокнув языком, сказал:

– А пошли-ка ко мне в кабинет – вспомним нашу молодость!

Они поднялись в знакомый Ивану кабинет. Директор открыл небольшой шкафчик, достал оттуда бутылку «Столичной» и водрузил на стол. Из шкафа, как по мановению волшебной палочки, стали появляться ливерная колбаса, хлеб, шмат сала и конфеты. Иван смотрел на это разнообразие и никак не мог понять: а когда же директор собирается работать? Но задать этот вопрос побоялся.

Пётр Феофанович разлил водку в гранёные стаканы и, взяв свой, сказал: «За тех, кто не вернулся!»

Отец мгновенно изменился в лице. Правда, он не воевал, имея бронь, но многие его друзья и одноклассники не вернулись с войны.

Они выпили не чокаясь. После чего, взяв по куску колбасы, начали вспоминать свою молодость.

– Помнишь, – начал директор, – как ты в крапиву упал? – И сразу рассмеялся.

– Так я не сам! Меня Фимка тогда толкнул, нога у меня подвернулась – я и не удержался.

– Да-а... было время.

– А ты ж тогда в Софочку был влюблён? – глядя на директора, спросил отец.

– Красивая была барышня, – прищурился, задумчиво произнёс Пётр Феофанович и налил ещё по половине стакана. Отец слегка поморщился, но не отказался, что у Ивана вызвало удивление. Михаил Дмитриевич был категорическим противником алкоголя. По крайней мере, в семье. Они ещё раз выпили и продолжили разговор.

– А помнишь, как мы работали в колхозе? – спросил отец.

– Вот были времена! Сколько мы тогда молодой кукурузы поели!

– А как на речку сбегали?

– Да-а! Я, помню, плавать не умел, а вы с Колькой меня на глубину затащите и давай к берегу уплывать, а я руками машу – то за воздух, то за воду цепляюсь!

– Так ведь научился плавать-то!

– Да. Мне на фронте это пригодилось, когда Днепр форсировали. Снаряд в пяти метрах в воде разорвался – и нас с плотом выкинуло. Если бы плавать не умел – утоп бы! Сентябрь, вода холодная, а я плыву и перед глазами – не поверишь – Софочка! И как будто она впереди меня плывёт и рукой подзывает. Я за ней. Так и выбрался на берег. А там – месиво. Взрывы, разорванные тела, скрежет металла... Ещё один взрыв неподалёку – и я в себя пришёл. Это уже потом, к декабрю, меня отозвали в Москву. Я ведь тоже бронь имел, но по документам брата призвался. Ему тогда уже двадцать три было. Только отслужил срочную. А через год – война. Я как Левитана услышал – сразу в военкомат, а мне: «Нет, Вы нужны в Москве». Я его документы взял и на уличном призывном пункте всё быстро решил. Потом ему документы вернул. И представляешь – только через два года сообразили, что меня нет!

На этой фразе директор рассмеялся.

– Да... война много понаделала, – произнёс отец. – Я тоже хотел сразу... Только вызвали в горком и сказали: «Езжай в Омск – завод эвакуируется». Приехали – голое поле, грязь, никаких условий. А хочешь или нет – через три месяца завод должен начать работать... Через год – опять в Москву. Леночка, как увидела меня, так сразу в обморок. Потом как-то всё сложилось... В сорок третьем Ванька родился. Сутками на заводе пропадал. Ленка на работе еду возьмёт – там не ест, вечером сидит и меня ждёт. Ночью дежурства на крышах – фугасы сбрасывала, – а утром сразу на работу. А я с работы уйти не могу – завод круглые сутки работал для фронта. Так она иной раз по двое, а то и по трое суток голодная была. Помнится, приду

домой, только бы голову до подушки донести, а она: «Садись, хоть кусочек съешь». Им отварную курицу на киностудии давали – так она всё домой приносила целёхоньким. Так и жили. Раз в неделю молоко дадут – она не пьёт, Ваньке несёт. Своего мало было, ела плохо – вот и носила, чтоб сына прикармливать. Так ведь и выкормила! Вон, смотри, какой боец вырос!

Первый раз за всё время разговора отец с директором обратили внимание на сидевшего у двери Ивана. Рассказ отца потряс его настолько, что он в один момент пересмотрел своё отношение к родителям. У них в семье не было заведено рассказывать о военном периоде жизни. Да и сам Иван не очень-то интересовался этим и никогда не настаивал на таких воспоминаниях. Поэтому, услышав сегодня, *что* пережили его родители, он почувствовал себя неблагодарной сволочью.

Воспоминания друзей затянулись до глубокого вечера. Двоих не очень молодых людей Иван развозил по домам под песню «Священная война». Оба этих человека благодаря сегодняшним откровениям стали Ивану настолько близкими, что он не обращал внимания на то, что они то плакали в машине, вспоминая погибших друзей и подруг, то смеялись, припоминая, как проказничали в молодости.

День был закончен. На следующее утро Иван отправился на работу, и с этого дня начались его трудовые будни.

Работа Ивану нравилась, поэтому он старался быть максимально полезным своему директору. Если надо было отвезти его семью на дачу, а у Ивана в этот день выпадал выходной, – он никогда не отказывался. Со временем он стал чуть ли не частью семьи своего директора. Именно с ними он проводил больше времени, чем со своими родителями, что иногда вызывало у тех нескрываемую ревность. Но отец с матерью были хорошо воспитаны и понимали, что работа есть работа.

Жена Петра Фёдоровича (а он именно так стал звать директора, потому что на «Феофановиче» он всегда спотыкался) называла Ивана ласково: «сынок». Поначалу это очень резало слух – ведь родители чаще употребляли, обращаясь к нему, более резкие слова: «Ванька», «Иван», «парень» или уж на крайний случай «сын». Поэтому такое ласковое и незнакомое уху слово первое время раздражало. Но со временем оно стало Ивану даже нравиться.

Директор старался не злоупотреблять личным временем Ивана, поэтому выходные всё же у него возникали. Вот в один такой выходной он и увидел молодую девушку, стоявшую возле метро и явно кого-то ожидавшую.

Он наблюдал за ней и с каждой минутой ощущал, что начинает в неё влюбляться. Ивану исполнилось двадцать пять лет, и создание семьи для него стало актуальным. Многие его одноклассники уже были не только женаты, но даже имели детей.

Девушка явно пыталась понравиться Ивану. Но как ни с того ни с сего подойти и познакомиться? Иван не находил повода. Завидев своих друзей, выходящих из метро, он понял, что или сейчас, или никогда. Достав из внутреннего кармана ручку и записную книжку, он быстрым шагом подошёл к девушке и сказал:

– Я сейчас должен уйти, но... вот мой номер телефона. Позвони завтра утром – вечером сходим в ресторан, а послезавтра в ЗАГС.

После этих слов Иван протянул вырванную страницу из записной книжки, на которой был записан его домашний номер телефона, и быстро, пока она не опомнилась, побежал навстречу друзьям. Внезапно он обернулся, пристально посмотрел на стоящую в недоумении девушку и громко спросил:

– Как твоё имя?

– Таисия, – хриплым голосом ответила девушка, пытаясь одновременно откашляться.

Иван помахал ей на прощание и, повернувшись, чуть не сбил одного из своих друзей. Ребята поздоровались и пошли по своим делам. Иван ещё раз обернулся. Девушка стояла в растерянности и смотрела друзьям вслед.

Семья

Таисия была в полном недоумении. Глядя на листок, вырванный Иваном из записной книжки, она не могла поверить в произошедшее. Парень ей понравился, но столь стремительные события казались ей сказкой. Она едва успела положить клочок бумаги в карман, как из дверей метро вышла подруга, которую ждала Таисия. Они собирались погулять по Москве и таким образом отметить окончание обучения в училище.

Вернувшись вечером домой, Иван узнал, что ему звонила какая-то незнакомка. Родители смотрели на сына вопросительным взглядом. Но Иван решил ничего пока им не рассказывать. Если честно, он вообще забыл об этом. Они с друзьями неплохо посидели в пивном ресторане, и утреннее событие как-то само по себе стёрлось из памяти.

– Что она сказала? – задал он вопрос родителям.

– Сказала, что будет ждать тебя завтра на том же самом месте.

Иван махнул головой и пошёл спать.

Проснувшись утром, он побрился, привёл себя в порядок и отправился на встречу с той, которая впоследствии могла стать его женой. Иван был настроен вполне серьёзно. Пока он добирался до места встречи, его мозг пытался решить судьбоносный вопрос: надо ли приглашать эту молодую красавицу в ЗАГС? Рассматривая ситуацию с разных позиций, он приходил к выводу, что такое предложение не повлечёт для него негативных событий. Поэтому, выходя из метро, он чётко понимал, *что* ему предстоит делать.

Таисия уже стояла на том самом месте, где Иван её вчера оставил. Это показалось ему забавным.

– Ты со вчерашнего дня не уходила? – подойдя к девушке, с улыбкой спросил он.

– Ну почему же? – слегка смутившись и опустив взгляд, произнесла Таисия. – Я сегодня в другом платье, если ты не заметил!

Такой отпор импонировал Ивану.

– Ну что же... куда ты хочешь сходить? – глядя ей в глаза, спросил Иван.

– В Большой театр!

Иван слегка опешил. Он не любил театры, поэтому такое развитие событий даже не предусматривал. Но вопрос задан – ответ получен. Он улыбнулся и, осмотрев девушку с ног до головы, взял её за руку и потянул к входу в метро. Таисия не стала сопротивляться и пошла за Иваном, при этом мягко выдернув свою ладонь из его крепкой руки.

– Ты чего? – посмотрев на Таисию, спросил Иван.

– Вот ходим в театр – потом разрешу брать меня за руку.

Иван растерялся. Он, вообще-то, был парень видный – девушки считали за честь, если он прикасался к ним. А здесь...

– Прямо недотрога! – улыбнувшись, вышел он из положения.

– Меня неплохо воспитали!

Таисия, конечно же, хотела, чтобы этот красавец держал её за руку, но посчитала, что это будет неправильно. Находясь рядом с Иваном, она тайком рассматривала парня. Черты его лица были красивыми и правильными. Больше всего её цеплял взгляд молодого человека. Небесного цвета глаза просто обезоруживали Таисию. Она ощущала себя маленькой девочкой, которую ведут в какой-нибудь парк развлечений. Ей хотелось идти с этим парнем и не останавливаться. Иван интуитивно понимал, что эта молодая особа сейчас готова выполнить всё, о чём он её попросит.

Когда они спускались на эскалаторе, Ивана осенила идея, и он предложил:

– А давай пойдём пешком!

– Давай! – восторженно согласилась Таисия. – Только идти далеко придётся.

– Ничего! Зато посмотрим, как застраивается город. Я ведь Москву в основном через окно машины вижу, а так хоть пройду по ней.

Таисия согласно мотнула головой. Они быстро перешли на эскалатор, ползущий вверх. Через пять минут ребята снова вышли на улицу и продолжили свой путь к Большому театру. Пройдя по проспекту Калинина, они свернули на Моховую. Москва была красивой в это время года – развёрнутое строительство нисколько не портило впечатление от грандиозности и масштабности города.

– Посмотри, какая красивая Москва стала! – произнёс Иван.

– А какая ещё будет! – восторженно ответила Тася. Произнося эту фразу, она чётко понимала, что красоты Москвы её сейчас интересовали меньше всего. Лёгкая дрожь гуляла по телу. Она безвозвратно влюбилась!

Спустя полчаса разговоров о погоде и ещё о чём-то, что явно не отложилось в памяти девушки, молодые люди вышли на площадь Свердлова. Войдя в кассы театра, они увидели огромное столпотворение.

– А билеты есть? – спросил Иван, обращаясь ко всем сразу.

– Нет! – ответил кто-то из толпы. – Ждём! Может, кто сдаст по каким-либо причинам.

Ребята посмотрели друг на друга. Шанс, что они приобретут билеты, был практически нулевым. В помещении касс стояло около ста человек, а случайно сданный билет мог оказаться единственным. Они постояли несколько минут и решили выйти на улицу.

– Думаю, что нам ничего не светит! – глядя на Таисию виноватым взглядом, сказал Иван. – Может, пойдём в кино?

Девушка посмотрела на парня и кивнула. Ей было всё равно, куда он её позовёт, лишь бы подольше с ним не расставаться.

Приняв окончательное решение, они задумались над тем, как лучше добраться до кинотеатра «Ударник». Именно его они выбрали в качестве цели своего дальнейшего путешествия. Конечно, можно было пойти пешком, но ноги Таисии отказывались от такого заманчивого предложения, и они спустились в метро.

Спустя некоторое время молодые люди сидели в кинотеатре и смотрели фильм со странным названием «Бабье царство». Фильм рассказывал о жизни «простой колхозницы, возглавившей женщин своего села в годы Великой Отечественной войны и прошедшей с ними весь ужас фашистской оккупации, лишившей её сына, мужа и родного дома...», – примерно так было написано в анонсе на афише. Что происходило на экране, молодых людей не интересовало. Их влекло друг к другу настолько сильно, что, не досидев до конца фильма, они покинули зал.

– Ну что, завтра идём в ЗАГС? – с улыбкой спросила Таисия, глядя Ивану в глаза.

– Почему в ЗАГС?

– Ты же говорил: вечером в ресторан, а на следующий день...

– В ресторан мы не сходили, даже в театр не попали, а в кино не совсем понятно, что смотрели! – с улыбкой констатировал Иван. – То есть даже программу минимум не выполнили.

– Это точно! – несколько смутившись, ответила Тася.

Иван приблизился к ней и поцеловал.

– Ты чего? – отстранившись, спросила она.

– Чтобы идти в ЗАГС, надо хотя бы один раз поцеловаться.

Девушка стояла в растерянности. Её переполняли чувства к этому парню, но столь стремительное развитие событий смущало.

– Ты где живёшь? – спросил Иван, тем самым выведя её из состояния оцепенения.

– В общежитии Гнесиных.

– Так ты учишься?

– Нет, я уже дипломированный музыкант! – с улыбкой ответила Таисия.

– Давай я тебя провожу! – предложил Иван.

– Давай!

Они двинулись в путь. К тому моменту общежитие располагалось на окраине Москвы. После расставания Иван предложил встретиться через два дня, когда будут выходные. Он обещал подъехать к училищу в двенадцать часов и ждать там девушку. Таисия с его предложением согласилась.

Через два дня она с самого утра чуть ли не каждую минуту подбегала к окну и высматривала Ивана. Но молодого человека не было. Спустя три часа после назначенного времени Таисия поняла, что парень не придет и их встреча не состоится. Она ругала себя за свою влюбчивость, за то, что так внезапно привязалась к этому фактически совершенно незнакомому ей человеку.

Целую неделю Таисия боролась с искушением позвонить Ивану. Но чувство собственного достоинства каждый раз побеждало. Через неделю, случайно выглянув в окно, она неожиданно увидела знакомую фигуру. Присмотревшись, Тася узнала в ней Ивана. Противоречивое чувство, охватившее девушку, не позволяло сдвинуться с места. В какой-то момент ей удалось справиться с эмоциями, но она тут же пожалела об этом. Таисия начала бегать по комнате, вытаскивая из шкафа весь свой скудный гардероб. Перемерив все свои три платья, она вдруг поняла, что не стоит наряжаться ради этого самовлюблённого нахала, который обманул её ожидания. Поэтому Тася надела повседневную юбку с блузкой и вышла на улицу. Делая вид, что она не замечает своего ухажёра, Таисия демонстративно продефилировала мимо Ивана. И когда тот окликнул её, девушка сделала изумлённое лицо, после чего произнесла: «Вот уж не ожидала!»

Иван, с лицом побитой собаки, подошёл к Таисии и, глядя прямо в глаза, сказал:

– Вызвали на работу, поэтому не смог приехать. Позвонить тоже не знал куда. А чтоб телеграмму дать – так я ведь даже твоей фамилии не знаю! Вот такая история получилась!

Таисия на мгновение задумалась: «А ведь действительно: человека вызвали на работу, сообщить не мог, а я обиженную из себя строю...» После чего улыбнулась и, посмотрев Ивану в глаза, уже вслух сказала:

– Ничего страшного, я всё понимаю! Сегодня ты свободен?

– Да, – коротко ответил Иван, который ожидал чего угодно, но не такой спокойной реакции. Осознав, что никакого скандала или выговоров не будет, он выдохнул и предложил прогуляться по Патриаршим прудам.

Его предложение Таисии понравилось, и она с лёгкостью согласилась.

Погода была прекрасной. Ярко светило солнце, и прогулка приносила истинное наслаждение. Вдруг Иван остановился и сказал:

– Подними руки вверх!

Таисия вначале опешила, переспросив:

– Чего?

– Подними руки вверх, ладонями наружу, и посмотри не небо!

– И что?

– Ну... ничего не замечаешь?

– А что я должна заметить? Стою, как полная идиотка, с поднятыми руками!

– Да нет же! – возмутился Иван. – Ты же небо держишь!

Только сейчас Таисия обнаружила, что действительно, если взглянуть в небо, может показаться, будто её ладони удерживают небосвод. Поняв это, она удивилась тому, как этот молодой парень может обычную ситуацию превратить в сказку.

– А ты знаешь, как в старые времена называли Патриаршие пруды? – решила блеснуть знаниями Таисия. Когда-то эту историю ей рассказал однокурсник, который хорошо знал историю Москвы.

– Нет! – ответил Иван. – Наверно, так же – Патриаршие.

– А вот и нет! – с улыбкой победителя произнесла Тася. – На их месте раньше были Козьи болота. А нынешнее название возникло после того, как здесь появилась резиденция патриарха Иоакима, – в конце шестнадцатого века. Для него вырыли три пруда, чтобы рыбу разводить. В разное время сюда приезжали Толстой, Жуковский, Гоголь, Пушкин, а Блок и Маяковский вообще здесь какое-то время жили. А сейчас, видишь, остался только один пруд. Вот что я знаю!

Иван был удивлён. То, что эта девушка, не москвичка, знала такие подробности из истории Москвы, вызвало в нём чувство восторга. Пришлось признаться себе, что он, к своему стыду, таких деталей не знал. Да и не интересовался Иван никогда историей города, в котором родился и жил. Он взял её за руку. Таисия попыталась освободить свою ладонь, но Иван сжал её крепче. Девушка посмотрела на него и сразу же перестала сопротивляться. Так они, держась за руки, шли по берегу пруда, где мирно плавали утки и два белых грациозных лебедя.

– Пойдём присядем! – указывая на лавочку, предложил Иван.

– Пойдём, – согласилась Таисия.

Они присели на лавочку под роскошной липой. Разговор что-то не клеился. Каких-либо общих тем для ведения размеренной беседы между ними пока не было. Поэтому они просто сидели и молчали, держась за руки.

– А расскажи о себе, – попросил Иван.

Таисия на мгновение задумалась, а потом долго рассказывала, как она жила, с момента, как могла себя помнить.

Время близилось к вечеру, но рабочий день ещё не закончился. Сегодня была пятница, и Иван справедливо расценил, что можно всё-таки успеть в ЗАГС. Девушка ему не просто нравилась – он мечтал, чтобы она стала его женой. Неделью, которую он взял на размышление, сославшись на работу, Иван потратил на то, чтобы взвесить все за и против. Итог оказался предсказуемым: Иван решил на женитьбу. Родителей он решил поставить в известность позже, после подачи заявления.

– У тебя паспорт с собой? – быстро спросил Иван.

Таисия согласно мотнула головой.

– Тогда пойдём! – скомандовал он, встав с лавочки и потянув Таисию за собой.

Она не стала сопротивляться, только спросила:

– Куда?

– Сейчас узнаешь! – коротко ответил Иван.

Через сорок минут они стояли возле здания с табличкой «ЗАГС». Тася посмотрела на Ивана с недоумением.

– Идём! – вновь скомандовал он и потянул её по ступеням к входным дверям, через которые с завидной регулярностью входили и выходили радостные молодые пары.

Спустя двадцать минут молодые люди вышли из здания. Заявление было подано. Через месяц им велели явиться для регистрации брака. Таисия была, словно во сне. Солнце ласкало своими лучами кожу лица, а по щекам предательски текли слёзы.

– Ты чего? – обняв её, спросил Иван.

– Не знаю... всё так быстро... – ответила Таисия, борясь с комком в горле.

– Вон там лавочка – пойдём сядем?! – то ли спрашивая, то ли настаивая, произнёс Иван.

Сопротивляться или что-то отвечать сил не было, поэтому Тася первой шагнула на проезжую дорогу и, пока машины были вдалеке, потянула за собой Ивана. В небольшом сквере

была приятная прохлада. Они присели на лавочку. Таисия, справившись со своими эмоциями, посмотрела на Ивана и спросила:

– Ты правда уверен в своём решении?

– Да! Когда я первый раз тебя увидел, то почему-то сразу понял, что именно ты будешь моей женой.

Таисия улыбнулась.

– А где мы будем жить? – задала она, наконец, вопрос, который был для неё крайне актуален.

– У меня! – коротко ответил Иван. – В одной комнате будут родители, а в другой – мы с тобой. Поверь, разместимся, и все будут довольны.

– А родители не будут против? – со страхом в глазах спросила Таисия.

– А вот мы сейчас и узнаем! – резко произнёс парень. Он поднялся и, взяв Таисию за руку, потянул к себе.

– Идём зна-ко-мить-ся! – куда-то в небо прокричал он.

– Но... я даже не одета! – смущаясь и осматривая свой наряд, произнесла Таисия.

– Ничего, это же не свадьба, а всего лишь знакомство с родителями.

– Но какое у них сложится впечатление? – продолжила Таисия, мысленно ругая себя за такую непредусмотрительность и принципиальность в обиде. Ведь могла же она надеть красивое платье, но решила продемонстрировать безразличие к парню – и в итоге сама попала в неловкую ситуацию!

– Может, заедем и я надену своё выходное платье?

– Нет! – категорично ответил Иван и потянул девушку за собой.

Они спустились в метро и через некоторое время стояли перед дверью в подъезд дома, в котором жил Иван. Таисия приостановилась.

– Может, всё же лучше в другой раз? – с некоторой надеждой на то, что Иван согласится, спросила она.

– Пойдём. Мои родители по одежке не встречают!

Мысленно сжавшись внутри, Таисия шагнула в подъезд. Они поднялись на третий этаж. Иван достал ключи – и вот они уже вошли в квартиру.

– Мама, папа, я дома! – крикнул Иван.

Мать с отцом вышли из кухни, и Таисия поняла, что гостей в доме не ждали. На отце были лишь чёрные семейные трусы и немного растянутая майка, у которой одна из бретелек была опущена на правое предплечье. Девушка настолько растерялась, что, слегка отступив к дверям, зачем-то брякнула:

– У вас бретелька сползла.

– Да я ещё и без штанов, если вы не заметили! – мелкими перебежками вбегая в комнату, прокричал отец.

Несуразица при первой встрече с родителями жениха ввела Таисию в такой шок, что она заплакала и, выбежав из квартиры, начала быстро спускаться по лестнице.

– Подожди! – услышала она за спиной, вперемешку с раскатистым смехом, голос Ивана.

Внутри вдруг что-то переключилось. Скованность прошла, и Таисия, остановившись, начала истерично смеяться. Иван, догнав, наконец, невесту, с настороженностью посмотрел ей в глаза. Таисия аж покраснела от смеха, а увидев Ивана, зашлась смехом ещё больше. Глядя на неё, молодой человек тоже впал в истеричный смех. Немного отсмеявшись, они взяли за руки и пошли вверх по лестнице.

– Попытка номер два? – спросила Таисия.

– Надеюсь, попытка номер три не понадобится. – сквозь смех произнёс парень.

Войдя в квартиру, они увидели, что не только отец надел свой выходной костюм, но и мать существенно преобразилась.

– Ну что ж, давайте попробуем ещё раз познакомиться. – стараясь держаться достойно, произнесла мама Ивана. – Меня зовут Елена Сергеевна, а нашего папу – Михаил Дмитриевич. Как звать Вас?

– Таисия, – прекратив смех, еле-еле выдавила из себя девушка.

– Ну, будем считать, что начало знакомству положено, – произнесла Елена Сергеевна. – Иван, приглашай гостью в комнату!

Взяв свою невесту за руку, молодой человек резко потянул её в комнату. Она попыталась сопротивляться, всем своим видом показывая, что для начала следовало бы снять обувь. Но Иван резко бросил: «Не переживай!» После чего Таисия просто влетела в пространство, которое считалось гостиной. Обстановка в комнате была стандартной: стенка, диван, стол, два небольших кресла. Таисия осознавала, что такую обстановку, пусть и стандартную, мог себе позволить далеко не каждый. Вся мебель, находившаяся в комнате, была явно импортная и дорогая.

«Видимо, родители Ивана занимают ответственные должности, – подумала Таисия, – ведь я ничего не знаю о его семье».

На потолке красовалась великолепная люстра из хрусталя. Такие люстры девушка впервые увидела в училище. Дома была обычная лампа с пластиковым абажуром, а эта люстра притягивала её взгляд. Оторваться от неё не было возможности. Елена Сергеевна заметила, что девушка борется с собой, и решила ей помочь.

– Эту люстру Михаилу Дмитриевичу привёз сотрудник, который был на симпозиуме в Чехословакии. Я год уговаривала отца, чтобы он «унизился» и попросил кого-нибудь привезти такую! Вы не представляете, какой он стеснительный, если дело касается просьб для себя или для семьи! Но наконец-то я его вынудила, и он пошёл на «моральное преступление» – и вот эта красота теперь висит в нашей гостиной. Правда, красивая?

– Заораживающе красивая! – искренне ответила Таисия.

– Ну что ж, вы посидите, а я пойду что-нибудь приготовлю, – сказала Елена Сергеевна и вышла из комнаты.

Таисия медленно пошла осматривать комнату. В углу стоял книжный шкаф. Огромное количество книг поразило её. У них дома такого количества книг не было, поэтому ей приходилось часто посещать общественную библиотеку. А здесь практически вся их городская библиотека находилась во вместительном шкафу.

– Ты всё это читал? – спросила она Ивана.

– Да ты с ума сошла?! – с улыбкой возмутился он. – Я от силы школьную программу только и освоил, а здесь в десятки раз больше книг! Я, вообще-то, не любитель читать. Это мать всё, наверно, перечитала, а я... увольте!

Таисия то ли с завистью, то ли с осуждением посмотрела на молодого человека. Единственное, что нравилось девушке в школе, – так это литература. Если бы она имела такую библиотеку, то, наверно, перечитала бы её всю и не по одному разу. Но Иван никак не отреагировал на её взгляд.

Справа от книжного шкафа прямо по центру окна на специальной тумбе стоял новенький телевизор «Рубин-401». Эти телевизоры появились недавно, поэтому Таисия ещё ни разу не видела их воочию. Однажды от кого-то она слышала, что это первый цветной телевизор. Представить себе, как он показывал, да ещё и в цвете, она просто не могла, поэтому, не удержавшись, словно ребёнок, увидевший какую-то необычную игрушку, с горящими глазами попросила Ивана включить эту чудо-технику. Молодой человек улыбнулся и включил телевизор. Шли новости. Таисия заворожённо смотрела на экран. Её неподдельный восторг умилял Ивана.

Через двадцать минут вошла Елена Сергеевна и позвала молодёжь на кухню. Площадь кухни была очень маленькая, поэтому попытки разместиться там всем четверым не увенчались

успехом. Тогда Елена Сергеевна велела Ивану выдвинуть стол в гостиную. Пока парень выдвигал стол, мать достала кипенно-белую скатерть.

– Давайте я помогу! – предложила Таисия.

– Давай, – согласилась Елена Сергеевна. – Расстели её на стол, а потом расставь тарелки – они в том шкафу лежат.

И она указала на центральную часть стенки, где за стеклом стояли тарелки, а также синие и розовые хрустальные или, может, стеклянные рюмки. Такие Таисия видела только на фотографиях. Да и то ей всегда рассказывали, какого они цвета. А здесь она увидела всё в реальности. Ей вообще казалось, что она находится в какой-то волшебной сказке. Всё, что стояло в этой комнате, было для неё лишь мечтой. В какой-то момент её посетила ужасная мысль:

«Зачем этому обеспеченному парню нужна такая нищета, как я?»

Расставив тарелки, Таисия спросила у Ивана, где лежат вилки. Он махнул рукой в направлении кухни. Таисия пошла к Елене Сергеевне. Вилки, ножи и ложки аккуратно лежали на столе.

– Можно брать? – спросила она Елену Сергеевну.

– Да, можно! – ответила Елена Сергеевна. – Хотя... носи лучше еду, а приборы разложу я сама.

Таисия в душе была благодарна. Увидев ножи и вилки, она растерялась. То, что их нужно раскладывать каким-то определённым способом, она знала, но как именно – это было ей неизвестно. Дома они редко пользовались вилками. Чаще всего мама клала ложки, и это были дежурные приборы на все случаи жизни. Гостей в их квартире не было, поэтому сами они пользовались только тем, чем было удобнее всего. Самая страшная мысль посетила её позже, когда пришло осознание, что этим всем придётся пользоваться. А как? Таисия не знала и никогда не ела вилок и ножом. По ресторанам девушка не ходила, поэтому, когда Елена Сергеевна разложила приборы, исчез не только аппетит. Тасе захотелось быстро покинуть эту гостеприимную квартиру. Рассматривая блюда, которые она носила, было понятно, что пользоваться приборами придётся. Мясо, рыба, варёная колбаса, сыр, отварная картошка и ещё какие-то неизвестные ей блюда вызывали, с одной стороны, спазм желудка, а с другой – страх начала трапезы.

Елена Сергеевна пригласила всех за стол. Таисия со страхом заняла место рядом с Иваном.

– Ты чего такая напряжённая? – шепнул он ей на ухо.

– Я не умею пользоваться вилок и ножом, – стыдливо прошептала она.

– Ничего сложного нет, – сказал Иван и начал накладывать в её тарелку всё, что было на столе.

– Мне только картошку, – резко сказала Тася, – я больше ничего не хочу.

Иван рассмеялся.

– Что тебя так развеселило? – спросил отец. – Может, нам тоже расскажете?

– Ничего, это мы о своём, – быстро нашёлся Иван и мгновенно положил в тарелку Таси кусок мяса.

Девушка даже не успела открыть рот, как в её тарелке оказались мясо, рыба, картошка и какой-то салат. Таисия быстро посмотрела на родителей Ивана. Те как ни в чём не бывало умело орудовали ножами и вилок. Иван, заметив её смущение, взял ложку и начал резво подхватывать салат.

– Не мучайся, бери ложку и ешь! – с улыбкой проговорил он, пережёвывая кусок мяса, который также отломил ложкой. – Мы не в ресторане, дома надо есть так, как тебе удобнее.

Мать с удивлением посмотрела на сына, но ничего не сказала. Михаил Дмитриевич, видимо, также понял суть происходящего и, тоже взяв ложку, начал поглощать всё, что лежало в тарелке. Елена Сергеевна, увидев действия мужа, чуть было не подавилась. Она впервые

в жизни видела, чтобы Михаил Дмитриевич ел ложкой мясо. Обычно он первый требовал, чтобы на столе всегда присутствовали не только вилки, но и ножи. Таисия, почувствовав несказанное облегчение, начала есть.

Ужин закончился быстро. За едой разговоров никаких не было. Но после всего Михаил Дмитриевич потребовал чай и торт, который сегодня оказался как раз кстати.

– Весь день не мог понять, почему с самого утра хотелось торта? – сказал он. – А вот теперь понимаю!

Произнеся эту фразу, Михаил Дмитриевич разулыбался. Встав из-за стола, он вальяжно разместился в одном из двух кресел и, взяв газету, погрузился в чтение. Через десять минут на столе уже стояли чашки, а в центре красовался торт «Киевский». Таисия была шокирована. В обычный день, когда они не подразумевали, что могут прийти гости, на столе у этих людей стоит торт! Да и ужин был по её меркам ресторанный. Дома такого количества блюд она никогда не видела, даже и не представляла, что так можно жить. Конечно, родители баловали дочь, но такое количество изысков было для её семьи ненужной роскошью. Наблюдая всю эту кулинарную вакханалию, Таисия очередной раз мысленно задалась вопросом: а как отнесутся родители Ивана к их идее пожениться? После того как ужин был завершён, Елена Сергеевна, взяв стул, села напротив молодых и, внимательно посмотрев сначала на Ивана, а потом и на Таисию, задала тот самый вопрос, которого так боялась девушка:

– Ну, расскажите, как вы познакомились?

Таисия только открыла рот, но в этот момент Иван резко и, как показалось девушке, даже несколько грубо сообщил:

– Мы подали заявление – через месяц распишемся!

Михаил Дмитриевич отложил газету, которую взял, видимо, для того, чтобы избежать каких-либо разговоров, полностью полагаясь на жену. Но такой поворот явно не предусматривался. Елена Сергеевна внимательно посмотрела на сына, чтобы понять, правду он говорит или шутит. И, видимо, осознав, что эта новость не является шуткой, продолжила задавать вопросы, обращаясь уже к Таисии:

– Вы учитесь?

– Нет, я в этом году окончила музыкальное училище и получила диплом, – смущаясь, ответила девушка.

– Значит, будете артисткой?

– Я дирижёр-хормейстер. Собираюсь набрать хор и надеюсь, что какая-нибудь филармония примет нас к себе. Составим репертуар и начнём гастролировать.

– А как же семья? – не прекращала свой допрос Елена Сергеевна.

– Вы имеете в виду мою семью?

– Да, вашу с Иваном.

– Совместную жизнь с Иваном мы ещё не обсуждали. Мы только сегодня подали заявление.

– А как давно вы знакомы? – вставил свою пилюлю Михаил Дмитриевич.

– Ну... около двух недель, – быстро выпалила Тася и сразу же пожалела, что не позволила ответить на этот вопрос молодому человеку.

У неё вообще стало складываться впечатление, что она несёт ответственность за обоих. Поэтому с надеждой на поддержку она сначала посмотрела на Ивана, который сидел и смотрел телевизор, потом растерянно на Елену Сергеевну. Но женщину было не остановить.

– А где же Вы живёте?

– Сейчас пока в общежитии.

– А потом?

Таисия толкнула локтем Ивана в бок. Парень слегка дёрнулся и, не отрываясь от телевизора, сказал:

– Здесь, в этой комнате.

Елена Сергеевна, приподняв бровь, сначала посмотрела на Ивана, а затем перевела взгляд на Михаила Дмитриевича. Глава семьи сидел, как казалось, в задумчивости. Перехватив взгляд жены, он пожал плечами и, встав с кресла, удалился из комнаты. Оставшись одна, Елена Сергеевна решила расставить точки над «і». Посмотрев на Ивана, она принялась расспрашивать его, отчего Таисия немного успокоилась.

– А скажи мне, сын, как ты себе вообще представляешь жизнь в нашей квартире?

– Думаю, что и поместимся, и уживёмся!

– Но вы совсем не знаете друг друга.

– Мы, как мне кажется, не только знаем друг друга, но и любим!

– Я не понимаю, как можно создавать семью после двух недель знакомства?!

– Мам, не драматизируй! У нас впереди ещё целый месяц, а значит, мы будем знакомы к тому моменту полтора месяца. Думаю, этого достаточно!

– Мы с твоим отцом встречались полгода, прежде чем он сделал мне предложение. А вы слишком легкомысленно относитесь к институту семьи! Надеюсь, твоя избранница не беременна?

Иван, оторвавшись от телевизора, бросил холодный и колкий взгляд на мать. От такого взгляда даже Таисии стало неуютно. Но, видимо, Елена Сергеевна имела какой-то иммунитет от таких взглядов, потому что тут же сказала:

– Ты меня взглядом не пугай! Меня в войну немецкие бомбардировки не пугали, а ты по сравнению с ними – так... «комариный прыщ».

Таисия попыталась представить себе «комариный прыщ» и, не удержавшись, рассмеялась.

– Что Вас так развеселило, деточка? – удивлённо спросила Елена Сергеевна.

– Попыталась представить «комариный прыщ» – и получилось, что, кроме как на попке, ему негде разместиться!

От такого умозаключения вначале рассмеялся Иван и уж потом, видимо, так же, как и Тася, картинку представила Елена Сергеевна, потому что её залихватистый смех вынудил вернуться в комнату Михаила Дмитриевича. Ситуация немного разрядилась. Глядя на заходящихся от смеха, Михаил Дмитриевич не стал интересоваться причиной, а как-то буднично произнёс:

– Как я понимаю, совместная жизнь принесёт в наш дом массу юмора и веселья!

Эта фраза кардинально изменила ситуацию. Елена Сергеевна прервала неприятный разговор и удалилась на кухню мыть посуду. Таисия, хоть и почувствовала облегчение, всё же решила не испытывать судьбу и начала собираться. Иван категорично заявил, что пойдёт её провожать. Родители с явно не очень искренней улыбкой пригласили Тасю на семейный обед в выходные. Девушка постаралась нанести на лицо улыбку и, вкладывая в слова максимальное количество искренности, поблагодарила за приглашение, после чего вышла из квартиры. Как только за ними с Иваном закрылась дверь, Таисия расплакалась.

– Ты чего? Всё ведь нормально!

– Я не понравилась твоей маме. – всхлипывая, проговорила она.

– Не обращай внимания! Она всю жизнь такая – по характеру. Сначала всех в штыки... а потом со всеми дружить начинает. Да и я, в общем-то, наверно, не прав. Надо было подготовить их, предупредить, что мы придём. А то всё так неожиданно, что мать явно растерялась. А вопросы, которые она задавала, никак не повлияют на нас с тобой. Я ведь и правда в тебя влюбился, поэтому заявление, которое мы подали, – шаг осмысленный.

Тася посмотрела на Ивана, и в её душе возникло такое сильное чувство к этому парню, что она справедливо решила: «А ведь я его тоже люблю!» Взяла Ивана за руку, и они продолжили свой путь к метро.

– Ты чего завтра делаешь? – спросил её Иван.

– Я пока живу своей жизнью, каникулы себе устроила. Поэтому свободна!

– Вот и хорошо! Я завтра на работе постараюсь не задерживаться и вечером заеду за тобой – пойдем куда-нибудь погуляем.

– Давай! – ответила Тася.

Дорога до общежития оказалась короче, чем хотелось бы Таисии. Расставаясь, Иван поцеловал её и, резко развернувшись и крикнув «пока», быстро пошёл по улице, удаляясь всё больше и больше. Таисия стояла и смотрела вслед молодому человеку до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Спать не хотелось. Таисия крутилась в постели, пытаясь уснуть. Приятные впечатления сегодняшнего дня в той или иной степени разрушались тем самым разговором, который никак не выходил у девушки из головы. Она чувствовала, что, с одной стороны, не пришлась по душе матери Ивана. А с другой стороны, семью она создаёт с молодым человеком, а не с его родителями. Убедив себя в том, что всё будет хорошо, Таисия наконец уснула.

Месяц пролетел быстро. Из редких рассказов Ивана Таисия знала, что родители не поддерживают идею своего сына привести жену в их небольшую двухкомнатную квартиру. Но других вариантов просто не было. Иван собирался встать в очередь на расширение жилья, да и директор завода пообещал поговорить «где надо» о возможности предоставления однокомнатной квартиры молодой семье.

В течение месяца, помимо встреч со своим женихом, Таисия всё же решала вопросы по набору хора. Параллельно этому, устроившись на подработку концертмейстером в училище, она старалась завести определённые знакомства. Шли вступительные экзамены, и Таисия, сопровождая абитуриентов, пыталась выделить для себя лиц, имеющих красивые голоса. В её планах было набрать хор из тех талантливых девушек и юношей, которые не пройдут по конкурсу после сдачи экзаменов. Работа занимала много времени, поэтому встречаться с женихом приходилось только по вечерам и на короткое время. Периодически они, встретившись, ехали к Ивану домой. Этих встреч за месяц было всего три. Связано это было с тем, что Елена Сергеевна, работая на киностудии «Мосфильм», имела свободный творческий график.

Приехав первый раз в пустую квартиру Ивана, Таисия с волнением переступила порог. Молодой человек, чтобы избежать недоразумений, крикнул:

– Мы пришли! Дома есть кто-нибудь?

Ответом была тишина. Иван схватил Таисию и потащил её в комнату. Его поцелуи были настолько жаркие и неистовые, что сопротивляться им у Таисии не было сил. И она отдалась этому порыву. То, что происходило дальше, Таисия описала одной фразой: «полёт в космос». Страсть поглотила их, и разум перестал существовать. После фантастической любовной близости Иван резко поднялся и начал одеваться. Тася же, находясь в состоянии спутанного сознания от полученного, пусть и болезненного удовольствия, сразу даже не поняла, почему возлюбленный начал тормозить её и вытаскивать из этого состояния наслаждения.

– Вставай быстрее! – резко произнёс он. – Скоро мать придёт!

Таисия сквозь пелену возвращающегося сознания смогла услышать только слова «мать» и «придёт». Этого было достаточно – она паниковала перед Еленой Сергеевной. Быстро заправив диван и приведя в порядок комнату, они услышали, как в замочной скважине заскрипел ключ. Один поворот, второй... – и вот в проёме двери появилась Елена Сергеевна. Тася стояла в растерянности и смотрела на Ивана. Молодой человек был абсолютно спокоен.

– Привет! – буднично сказал он матери. – Как на работе?

Елена Сергеевна, явно не ожидавшая увидеть в квартире сына и уж тем более гостью, растерялась. Посмотрев пустым взглядом на Ивана, она только и смогла выдать из себя: – Устала, сил нет!

- Мы уходим, я буду поздно! – сообщил Иван матери.
- Не задерживайся! Тебе завтра на работу!

Таисия обратила внимание, что Елена Сергеевна вообще никак на неё не отреагировала. Та как будто не заметила присутствия невесты своего сына.

Спускаясь по лестнице, Тася сказала Ивану:

- Я её боюсь!
- Не волнуйся, скоро распишемся, и всё встанет на свои места, – успокоил её Иван.

Последующие два посещения квартиры Ивана прошли намного спокойнее. Молодые люди успевали уйти до прихода Елены Сергеевны.

За четыре дня до свадьбы Иван приехал вечером, как обычно. Но его вид сразу обеспокоил Таисию.

- Что случилось? – спросила она.
- Я послезавтра должен уехать в командировку, – с волнением в голосе проговорил он.
- Так ведь у нас свадьба?

– Мне выдали командировочное удостоверение, поэтому надо перенести свадьбу на две недели.

У Таси от такого сообщения душа ушла в пятки. Какое-то внутреннее чувство подсказывало, что свадьбы не будет. Однако проговаривать свои подозрения она не решилась. Они собрались и поехали в ЗАГС.

Это потом Таисия узнает, что Елена Сергеевна, устроив мужу грандиозный скандал, потребовала, чтобы он уговорил своего друга и по совместительству начальника Ивана отправить сына в длительную командировку. Однако длительную поездку директор завода устроить не мог, поэтому было решено, что он уедет за два дня до свадьбы.

Приехав в ЗАГС, Иван предъявил документ и попросил перенести свадьбу. Служащая учреждения долго рассматривала журнал регистраций и выдала вердикт, который испортил настроение не только Тасе, но и молодому человеку. Получалось, что всё время занято и свадьбу можно было назначить не ранее чем через два месяца. У Ивана неожиданно потекли слёзы. Таисия даже представить не могла, что этот парень способен на такое проявление эмоций. Служащая ЗАГСа, увидев такую реакцию, растерялась.

- Подождите несколько минут, – попросила она и вышла из кабинета.

Иван сидел с видом побитой и брошенной собаки. Тася пыталась как-то успокоить своего жениха.

– Ну что ж, через два месяца – значит, через два! Ты не волнуйся. Тебе еще машину вести. Что может произойти за два месяца? Ты ведь уверен, что не разлюбишь меня за это время?

Иван потерянным взглядом посмотрел на девушку.

- Конечно, не разлюблю! Просто обидно, что всё так получается!

В этот момент в кабинет вернулась служащая ЗАГСа.

- У вас паспорта с собой? – задала она вопрос.

– Да! – произнёс Иван и посмотрел на Таисию.

- И у меня со мной! – отрапортовала девушка, не понимая суть вопроса.

– Идите в пятый кабинет, и, если вы не против, вас сейчас распишут, и выйдете вы отсюда мужем и женой! – с улыбкой на устах проговорила чиновница.

Иван от такого сообщения даже подпрыгнул.

– Спасибо, спасибо вам! Конечно, мы не против! Я даже представить такого счастья не мог!

Схватив Таисию за руку, он потащил её в коридор.

– Пятый кабинет! – уточнила служащая. – И не забудьте сказать, что вы от Татьяны Ивановны!

- Спасибо! – уже будучи в коридоре, прокричал Иван.

Душа Таси ликовала. Как будто какое-то высшее провидение вмешалось в ситуацию и не позволило разбить их с Иваном мечту.

Они влетели в пятый кабинет с такой скоростью, что дама бальзаковского возраста, находившаяся в этот момент возле массивного шкафа, стоявшего в ближайшем к двери углу, только и успела произнести «ай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.